

Борис Васильев

Вещий Олег

Глава первая

1

Зимние дни напоминали вечера, а вечера почти не отличались от ночей, потому что снега отражали луну и звезды, и над всем безмолвием лежали вечные сумерки. Сумерки и тишина, когда треск сломанной ветки тревогой отдается на много верст окрест, когда снег падает с шелестом и сам воздух наполнен звуками, застывшими до весны. И все привыкают к этой тишине — земля и небо, птицы и звери, и только человек способен нарушить державный сон природы.

Пятеро вооруженных всадников пробивались по заметенной лесной дороге в серых предутренних сумерках. За ними следовали розвальни, в которых, завернувшись в тулуп, полулежал юноша в нарядной собольей шапочке. И все молчали, только изредка всхрапывали кони да поскрипывали полозья на выветренном насте. А вокруг лежал немереный лес.

Вскоре старший остановился, жестом указав в чащобу. Всадники молча спешили, а старший

вернулся к отставшим саням.

— Дальше пешком, Сигурд, — сказал он. — Коней учует, распарены сильно.

Юноша сбросил тулуп, оставшись в длинной кольчуге с коротким мечом у бедра. Вылез из саней, похлопал меховыми рукавицами, подождал, пока неторопливо спешится старший. К тому времени один из воинов отвел к саням лошадей, а трое уже вошли в лес и споро начали рубить молодые ели.

— Не разбудим? — спросил Сигурд. — Ближко рубят.

— Не должны. Здоров хозяин, ежели по дыхалу судить.

Глубоко проваливаясь в снег, они прошли к темневшему густому ельнику. Миновали его и остановились перед огромным еловым выворотнем, укрытым наметенным за зиму сугробом.

— Тут, — понизив голос, произнес старший. — А вылезать будет поправее тебя.

Издалека донесся мягкий перестук копыт, у саней игриво заржала лошадь. Воины перестали рубить и, глянув на старшего, стали пробираться к дороге. Топот приближался, и вскоре в редколесье показалось с десятков вооруженных конников.

— Это русы, — сказал старший. — Что им тут за надобность?

— Узнай.

Пока старший, проваливаясь в снег, выходил к саням, русы уже окружили их и подошедших спешенных воинов. Но все вроде складывалось мирно, никто не хватался за мечи, хотя голоса уже крепки.

— Они тоже за хозяином! — крикнул старший. — Говорят, раньше нас его отыскивали!

— Здесь земля Великого Новгорода, — отозвался Сигурд. — Звери принадлежат князю Рюрику. Пусть ищут добычи в своих землях, или я расскажу об этой встрече их конунгу Олегу.

— Тут охотник из дома Олега! — В голосе старшего послышался смешок.

— А здесь — я, воспитанник великого князя Новгорода Рюрика! — с раздражением крикнул Сигурд. — Пусть посмотрит на мою охоту, если желает поучиться!

Некоторое время у саней шли бурные споры, дважды ветерок донес тонкий мальчишеский голос. Потом русы дружно развернули коней и исчезли за поворотом. Воины вновь принялись рубить шесты, а к Сигурду подошел старший.

— Олегов приемыш. Румяный мальчишка. На первую охоту выехал, а тут — мы. Обиделся, даже губы задрожали.

— Я тут не ради охоты.

— Добудем. Не застыл? Может, тулуп принести?

— Лучше воев поторопи.

Воинов поторапливать не пришлось: они уже очищали сваленные ели от сучьев. Закончив работу, трое разобрали шесты и пошли к сугробу, что намело за выворотнем. По указанию старшего стали осторожно подниматься на него, шестами ища опору.

— Готовы? Начнете, когда знак подам, — сказал старший. — Идем, Сигурд.

Сигурд проверил, легко ли ходит меч в ножнах, проваливаясь, пошел за старшим.

— Видишь дыхало? — Старший указал на дыру в сугробе, откуда поднимался чуть приметный парок. — Где стать, сам прикинь, а вылезать будет здесь.

— Вижу. Вели поднимать.

— Буди хозяина! — крикнул старший, отступив в сторону и тоже проверив, как ходит в ножнах меч.

Воины начали глубоко протыкать шестами сугроб. Вскоре послышался глухой недовольный рев, снег заколыхался, задвигался. Воины, побросав шесты, поспешно попрыгали вниз.

— Рано тревожить бросили! — разозлился Сигурд.

— В самый раз, — успокоил старший. — Готовься. Напротив Сигурда вдруг рухнул снег, обнажив черную пустоту, оттуда пахнуло звериным

жаром, и огромная медвежья голова появилась в проеме. Секунду зверь принюхивался, дергая черным носом, потом подобрался и, взревев, начал неспешно подниматься на дыбы. Сигурд отбросил соболью шапочку, оставшись в кольчужном наголовье, выхватил меч и, в тот момент, когда зверь выпрямился, подняв лапы, бросился вперед, в его объятия, с разбега всадив меч по рукоять. Медведь заревел, облапил юношу, навалившись всей тушей. Сигурд устоял на ногах, с силой оттолкнув зверя, по кольчуге бессильно проскрипели когти. Зверь рухнул на бок, дергая лапами, застонал и замер. Сигурд вырвал меч из вздрогнувшей туши, отер кровь снегом.

— Будь здоров, Сигурд! — торжественно произнес старший. — Доброго хозяина повалил.

— Будь здоров! — эхом отозвались воины.

— Оттащите и разделявайте. — Сигурд поднял шапку. — Никак медведица? Кто-нибудь, проверьте, нет ли медвежонка.

Один из воев, перешагнув через медвежью тушу, начал рубить сучья, загораживающие лаз в берлогу.

— Желчь не проколите, — предупредил Сигурд. — Уф, жарко стало. А было знобко.

— Ступай в сани, тулупом укройся, — старший улыбнулся. — Пятого мечом берешь, а все, как первого. Печень и желчь я сам вырежу.

Иди, иди, застынешь на ветерке.

Юноша молча побрел к саням. Ноги вдруг стали слабыми, он оступался в снегу, а сердце колотилось бурно и весело. Считанные мгновения схватки один на один с матерым зверем отбирали все силы, но рождали в душе радостное торжество, и он был счастлив. — Любопытно, как собирался брать медведя тот парнишка из дома Олега...

— Есть медвежонок! — крикнули у берлоги. — Сосунок еще, этого помета!

— Отвези его русам! Тому мальчишке, приемышу конунга Олега. Скачи, еще нагонишь!..

2

Чужими здесь были сумерки, как зима, а зима — бесконечной, как сумерки. Придавленные снегом леса замерли в ослепительном безветрии, будто морозы сковали сам воздух, а не только течения рек и течение времени, и ни путники, ни звери, ни птицы уже не встречались на берегах. Люди жались к очагам, птицы отлетели к жаркому солнцу, а звери ушли в чащобы. И все затаилось в ожидании, когда теплые ветры взломают льды и разнесут их по стремнинам рек и озерным плесам. Тогда опять застучат топоры, тогда спустят на воды лодьи, и мужчины начнут шумно готовиться к дальним походам, мечтая о золоте, рабынях и соли. И вновь

вернутся в эти места грубые шутки воинов и протяжные песни гребцов.

Могучий старик в длинной, крупно вязанной рубахе неподвижно сидел в деревянном кресле перед низким оконцем, вглядываясь во мглу собственной памяти. Стянутые ремешком седые волосы открывали костистый лоб, острые бесцветные глаза утопали под низко нависшими бровями. Правая рука спокойно лежала на грубо рубленном столе, подле нее стоял тяжелый кубок, но Рюрик сегодня не прикасался к нему, застыв в той неподвижности, в какой застыла чужая безлюдная земля за маленьким оконцем.

Бесшумно вошел Сигурд в той же длинной, поцарапанной медвежьими когтями кольчуге и кольчужном наголовье, с мечом у бедра. Осторожно набросил на обвислые плечи старика подбитое мехом корзно. Рюрик не шевельнулся, Сигурд отступил в сторону, но не ушел. Ему очень хотелось рассказать об удачной охоте, но он не решался нарушить молчание.

— Плащ, в данном случае с подбивкой.

— Может быть, ты съешь печень, конунг? — тихо спросил он наконец. — На ночь я натру желчью твои суставы.

— Ты свалил медведя. — Рюрик не спрашивал, а делал вывод. — Я съем печень, когда ты будешь растирать мое тело. Так медведь скорее

войдет в меня. Сними железо, от него веет холодом.

Сигурд подложил в очаг поленья и бесшумно вышел. И снова тишина, тяжкие сумерки и огромные пространства со всех сторон стиснули смятенную душу израненного варяга.

...Нет, Великий Один не оставит его только потому, что он уцелел в боях. Бог воинов сам прикрывал его своим невидимым щитом, сам наказал его старостью и болью во всех ранах и переломах. Сам оставил его наедине с вечными сумерками, чтобы он вспомнил все свои битвы, чтобы живым отчитался перед самим собой. И он должен воскресить свой путь, просеять сквозь воспоминания всю свою жизнь, ощутить заново восторг побед и горечь поражений. И тогда, очищенный, он войдет туда, где возле вечных костров пируют павшие в боях воины. Да, только так можно понять сон, который третий раз посетил его. И он правильно сделал, приказав сегодня наполнить кубок не славянским медом, не родным пивом, а священным напитком забвения. Он, конунг и князь Рюрик, обязан исполнить волю своего бога, ниспосланную ему в трехкратных сновидениях. Это будет непросто, но нет иного пути к кострам благословенной Вальхаллы...

Рюрик протянул руку, ощутив вдруг во рту давно забытый вкус горького напитка и опустил ее на прикрытые медвежьей полстью колени.

Вспомнил и улыбнулся над тщеславием юности: он пил его молодым воином, мечтая стать конунгом, избранным за мудрость и отвагу. Но мудрость тогда еще не созрела, а отвага требовала доказательств. Как и все воины, он жевал сушеные мухоморы: это добавляло ему ярости, но он все же надевал кольчугу. Кольчугу снимали те, кто объявлял себя берсерком — медведем-воином: только им давался волшебный напиток. Они пили его перед битвой и бились обнаженными по пояс в первых рядах, не ощущая ни страха, ни боли. А после боя сутками отлеживались в шалашах, и тело их ломала нерастраченная ярость. Тогда они и впрямь становились похожими на медведей, и их рычание пугало воинов. В их честь пели у костров, им доставалась лучшая доля добычи, ими громко восхищались, но не любили и побаивались, потому что берсерк мог убить и своего, если в его отравленном мозгу ни с того ни с сего вспыхивала обида.

Юность слепнет от славы, но он мечтал о власти и не ослеп. Путь к власти лежал через славу, и он, едва приручив меч, объявил себя берсерком, положив кольчугу к ногам конунга.

— Ты молод, — сказал конунг.

— Я стану взрослым после первой битвы. Либо разожгу для тебя костер ожидания в стране воинов.

— Хочешь, чтобы в твою честь пели у костров? — усмехнулся конунг. — Что ж, я принимаю твою кольчугу. Скажи об этом Старому.

Конунг брал кольчуги берсерков, Старый давал волшебный напиток. Об этом знал каждый воин, но не каждый намеревался стать вождем. Они мечтали о славе и женщинах, надеясь уцелеть, и припрятывали добычу. А юный Рюрик, отдав долю конунгу, никогда не забывал о Старом, оставляя себе только надежды. Он был нищ, над ним смеялись, но его богатством была эта надежда.

Старый финн жил в просторном шалаше отдельно от воинов, никогда не греясь у их костров, не распевая их песен и не участвуя в пирах. Он собирал травы и корни, варил зелье, лечил раненых и гадал по горящим листьям. Умел изгонять хворь и напускать порчу, и его боялись больше, чем самого конунга.

— Конунг принял мою кольчугу, Старый.

Это была единственная фраза, которую посвященный имел право сказать. Затем полагалось лишь отвечать на вопросы. Но Старый молчал, и Рюрик молчал, и так продолжалось долго.

— Берсерки никогда не становятся конунгами.

— О моих мыслях судить тебе, Старый.

Старый финн в упор смотрел на него. Остро, не мигая: Рюрик видел запавшие глаза сквозь космы длинных волос, которыми Старый всегда

прикрывал лицо.

— Золото дает мне силы. Только золото. И чем больше его тяжесть, тем больше у меня сил.

Это не было вопросом, но требовало ответа. Рюрик понял, вынул меч и вонзил его в землю перед собой.

— Я принимаю твою клятву, и моя сила будет с тобой, если запомнил, от чего она зависит.

Рюрик молча положил руки на перекрестье меча. Его сила была в оружии.

— Ты веришь своему мечу?

— Он заменит мне кольчугу.

Из шалаша вышел молодой прислужник. Кроме этого пригожего юноши был еще безъязыкий горбун медвежьей силы и ярости. Рюрик слышал, что юноши менялись каждый год, но горбун не знал ни замены, ни износа. Старый финн подождал, пока прислужник, вымыв в ручье миски, не скроется в шалаше. Потом сказал, понизив голос:

— Волшебный напиток дарует отвагу, но крадет расстояния. Иногда кажется, что враг дальше, иногда, что он совсем рядом. Говорю не тебе, а роднику своей силы. Родники могут только журчать. Ты понял меня?

— Твой родник будет приносить тебе золото молча.

— Я принимаю и эту клятву. Волшебное питье пьют по очереди из одного кубка, который я

заново наполняю до краев из священного сосуда. Не выказывай удивления, когда придет твоя очередь. Не сражайся славянским мечом: он длиннее и требует ясного сознания, а не бесстрашия берсерка.

Вскоре разведчики донесли о богатом торговом караване, который шел в озеро Нево.¹ Охрана была велика, предстояла битва, засаду выслали заранее, но берсеркам дали отдохнуть. В туманном сыром предрассветье их разбудили, долго вели низиной, и только боевой шлем конунга поблескивал впереди, в густом, как дым, тумане. А больше шлемов ни у кого не было. Ни шлемов, ни кольчуг, и даже мечи воины несли в руках. В тот день Рюрик стал берсерком, а ведь был ненамного старше Сигурда. Ненамного...

Остановились на низком топком берегу. За камышами ждали узкие легкие лодки, гребцы уже сидели на веслах. Берсерки проходили друг за другом, и Старый финн перед последним шагом протягивал каждому кубок. Когда настала очередь Рюрика, он принял кубок: на дне был ровно глоток, но он пил долго, будто сосуд был наполнен до краев... Рюрик улыбнулся — всегда лучше побеждать хитростью, а ту хитрость так никто и не разгадал. Он был берсерком, он много битв провел

---

¹ Ладожское озеро.

в одних кожаных штанах, но зелье не туманило мозг, а отвагу он черпал в себе, а не в кубке. Он стал не только конунгом дружины, но и князем славян и сегодня имел право выпить столько, сколько было нужно, чтобы вернуться в лучшие годы. Впереди его уже ничего не ожидало: все было в прошлом. Только в прошлом... Он протянул руку, но опять не успел взять кубок. Издалека донесся тяжкий звон: охрана била мечами в щиты, оповещая о неожиданных гостях. Потом залаяли собаки, и в избу вошел Сигурд.

— Послы Великого Новгорода, конунг.

— Убери кубок, зажги светильники.

Он не сменил домашнее корзно на парадное, не сбросил с ноющих колен меховую полсть и решил не вставать навстречу послам. Личная сила уходила из старого тела, рука уже ощущала тяжесть кубка, но Один вселил в него великий дух варяжских конунгов, и послы должны были увидеть и почувствовать мощь этого духа.

— Зови послов, Сигурд.

3

Послов было трое. Рослый боярин в богатой шубе, второй, пониже, в кольчуге, но без меча, и отрок с чем-то длинным, завернутым в старую рогожу. Все трое отбили поясные поклоны,

коснувшись пола перстами.

— Великий князь Рюрик! — зычно провозгласил боярин, торжественно произнося каждое слово. — Господин Великий Новгород велел сказать, что подтверждает принесенную тебе роту² и желает тебе здоровья и долгих лет.

Это было обычное вступление, и Рюрик безмолвно ждал, что за ним последует. Опасность заключалась в рогожном свертке, который держал отрок; что в нем находилось, Рюрик мог только гадать, но сесть послам не предложил, потому что главное еще не прозвучало.

— Ты прекратил смуту, установил порядок и судил по справедливости. Великий Новгород помнит об этом, закрепив за тобой навечно право твоего княжеского полюдья для кормления дружины и положенную долю за то, что ты, князь Рюрик, вершишь справедливый суд. Твой боярин принимает сейчас наши дары.

«Главный дар — в старой рогоже, — подумал Рюрик. — Что же приготовил мне Великий Новгород?...»

— Меж тобой и нами никогда не стояли злые туманы. После того как ты подавил мятеж Вадима, Новгород не чинил препятствий и не устраивал заговоров. Ты охранял торговые пути и творил

---

² Клятва, присяга.

порядок. С глубокой печалью Новгород отмечает, что многое начало меняться. Аскольд захватил Киев, перерезал Днепр и забирает себе десятую часть товаров за пропуск цареградских гостей. Многие ромеи предпочли торговать с Киевом, Смоленск требует увеличить его долю за починку наших лодий, доходы Господина Великого Новгорода падают и будут падать.

Посол замолчал, давая Рюрику возможность ответить. Но князь тоже молчал, и, выждав, посол со значением повторил:

— И будут падать, князь Рюрик.

— Прошлой осенью я говорил вам, что доходы будут падать. Я просил увеличить дружину, нанять кривичей, финнов и русов для южного похода. Вы три дня спорили и отказали.

— Года опередили твои желания, князь. Не гневайся, но меч опирается о сильное плечо. Ты хотел послать воеводу, и мы знаем его имя. Олег из Старой Русы.

— Олег молод, отважен и умен.

— Олег — из племени русов, и Аскольд из племени русов.

— Это разные племена, боярин.

— Великий Новгород не может вручить свою судьбу русу, князь. Твою дружину должен вести выбранный нами воевода.

— Вот причина вашего посольства, —

усмехнулся Рюрик. — Значит, вы решили забрать у меня дружину? Что ж, я готов отдать ее, если воеводой будет выбран Олег. Его отец был моим названным братом, Олег вырос в моих походах под сенью моего меча, и лучшего конунга вам не найти. Когда вскроются реки, Новгород наймет воев, вручит их Олегу и Олег приведет Аскольда в цепях. Днепр будет свободен, и никто не отнимет у Новгорода его доходов. Я, князь Рюрик, останусь княжить здесь с малой дружиной, а чтобы со мною не случилось беды, Новгород признает князем моего сына Игоря и до похода Олега принесет ему роту.

Он рисковал и понимал это. Он оттачивал хитрость всю жизнь, а меч — только перед боем. Но он не знал, что там, в рогоже, и хитрость пока помочь ему не могла.

Немного подумав, боярин требовательно протянул руку, и отрок почтительно вложил в его ладонь рогожный сверток. Боярин перехватил рогожу за концы, встряхнул, и к ногам Рюрика с глухим ржавым звоном упало отломанное лезвие меча. Зашумели воины у дверей, Сигурд рванулся вперед, но Рюрик жестом остановил всех.

— Поясни свой дар, боярин.

— Господин Великий Новгород никогда не принесет роту твоему сыну Игорю.

— Потому что он мал годами?

— Потому что он стар душой.

Послы торжественно отбили поклоны и степенно направились к дверям. И опять угрожающе заворчала стража, и опять Рюрик поднял руку и не опускал ее, пока послы не вышли.

— Проводить с честью.

Стража вслед за послами покинула княжескую избу. Донесся далекий возглас: «Проводить с честью!», удары мечей о щиты, и все стихло. Сигурд упал на колени возле кресла, осторожно положил ладонь на старческую руку.

— Почему ты стерпел оскорбление, конунг? Ты не хотел проливать кровь послов в своем доме, но позволь, и я с отроками нагоню их в пути!

«Какая горячая у него кровь, — думал Рюрик. — Он предан мне, как пес, потому что таким я вырастил его. Он будет предан Игорю, если... Если не узнает правды. У него очень сильная рука, и он убил сегодня пятого медведя...»

— Как они посмели сказать, что у твоего сына старая душа?

— Его мать умерла при родах. Я взял в кормилицы и няньки славянок. Я хотел, чтобы Игорь знал не только язык, но и обычаи славян, когда придет его черед править. Славянки умны и наблюдательны. Бойся славянок, Сигурд.

Он говорил, продолжая думать о сильной руке, что согревала его дряблую кожу. Сильная

рука и горячая кровь — знак сильной души: как жаль, что Сигурд не его сын! И как будет трудно Игорю, если Сигурд когда-нибудь докопается до правды... Нет, этого не может быть, из Изборска никто не вышел живым, да и у Вадима Храброго не было детей. В этом клялся названный брат Ольбард, конунг северных русов и отец Олега. Клятва — великая сила, если нет другой силы. А сила есть, сила — в руке Сигурда. Жаль, Сигурд, очень жаль, но твой пятый медведь должен стать последним...

— Ты готов дать мне, твоему конунгу, клятву?

— С радостью, конунг.

— Это — трудная клятва, Сигурд. Очень трудная.

— Я готов, конунг.

— Тогда подбрось сухих дров в очаг и принеси бадью со снегом.

Он встал, когда юноша убежал за снегом. С трудом, упираясь ладонями в колени, разогнул ноющую спину, с трудом сделал несколько шагов. Но выпрямился, сам достал наполненный по его приказанию еще утром кубок, к которому так и не прикоснулся, и поставил его на стол. Что еще? Еще — меч. Его боевой меч, которым он опояшет Сигурда после клятвы. В утешение.

Он вдруг с удивлением обнаружил, что колеблется, что думает о Сигурде куда больше, чем о собственном сыне. Он никого никогда не любил

— ни женщин, ни детей, даже своих собственных, — он не любил самого слова Любовь. Неужели он так привязался к Сигурду?... Нет, иначе рухнет все, вся мечта и вся жизнь, иначе сын — его последний сын! — тоже отречется от отца, уйдет в вик³ ... Нет, не будет этого! Его сын наследует ему, его княжению, его славе...

Сигурд притащил полную бадейку снега — чистого, рассыпчатого, от которого пахнуло юностью, и Рюрик почувствовал, как сжалось сердце. Нет, он не имел права на жалость: жалость расслабляет воина, и русы правильно делают, что возвращаются к семьям только на зимовья. Русы — отважные воины, но у них нет цели. А у него — есть. Он создаст державу для единственного сына, а тот — для своего сына, и скальды будут распевать вечную хвалу основателю династии Рюрику, и это зачтется ему в веках. И ради этого Сигурду придется потерпеть. Да будет так! Рюрик взял кубок двумя руками — все же пальцы его дрожали, пальцы знали о боли, которая ожидает Сигурда, — и протянул юноше кубок.

— Выпей до дна.

Он смотрел, как Сигурд благоговейно, неторопливо пьет священный напиток берсерков, и сердце его щемило. Он вовремя вспомнил о

---

³ Морской завоевательный поход (отсюда — викинг).

напитке: это заглушит боль, и Сигурд надолго уснет.

— Обнажи правую руку. Протяни ее в огонь ладонью вниз. Ниже. Еще ниже! Повторяй за мной высокую клятву. Каждое слово ясно и твердо, и руки при этом не должны дрожать.

— Конунг...

— Терпи, ты — воин. Будет легче, когда станешь думать о клятве, о каждом ее слове. Повторяй. Клянусь Великим Одним и вечным блаженством отца моего Трувора Белоголового. Клянусь вечным блаженством воинов и моих детей, если им выпадет счастье пасть в бою. Клянусь...

В низкой избе нестерпимо пахло горевшей человеческой плотью, по окаменевшему лицу Сигурда ручьем катились слезы, но он не отдергивал руку и ясно произносил каждое слово:

— ...моему конунгу Рюрику, что никогда ни я, ни мои дети не замыслят ничего черного против его сына Игоря. Клянусь, что буду всеми силами, мечом и отвагой верно служить моему господину Игорю, как служу его отцу конунгу Рюрику. И пусть для меня и моего отца Трувора Белоголового навсегда погаснут костры Вальхаллы, если я нарушу эту священную клятву.

Горели сухожилия, запеклась кровь, Рюрику казалось, что он слышит отчаянный стук обезумевшего от боли юного сердца.

— Я, твой конунг и князь, принял твою священную клятву. Руку в снег. Быстро!

Сигурд сунул сожженную ладонь в зашипевший снег. Стоял над бадьей, согнувшись, здоровой рукой опираясь о край. Слезы и пот катились по его осунувшемуся, разом постаревшему лицу и падали в снег. Рюрик опоясал его своим боевым мечом.

— Отныне ты носишь свою клятву с собой. Когда заживет рука, возьмешь под свое начало мою дружину и отвезешь Игоря в Старую Русу. К Олегу, сыну моего побратима Ольбарда, прозванного Синеусом.

Неделю Рюрик не отходил от метавшегося в горячке Сигурда. Лечил его мазями и настоями, которых знал множество, кормил и поил, а сам ел кое-как и дремал в кресле, готовый вскочить по первому стону. Только сейчас он выяснил для себя, насколько ему дорог воспитанник, но ни разу не пожалел о взятой им клятве.

В эти дни он не прикасался к волшебному напитку берсерков, но на столе всегда стоял наполненный кубок. Как знак прошлого, символ первой ступени его восхождения. И рядом с кубком всегда лежал ржавый обломок меча — последняя ступень его пути наверх, которую неблагодарные новгородцы вышибли из-под ног. И все оказалось зря. Все битвы и поединки, отвага и расчет,

хитрости и предательства.

— Не доверяй новгородцам, отец.

Так сказал старший сын, Ротбар, надежда и опора. Еще не пал в бою второй, Бьерн, еще у него было два сына, и не было нужды рожать Игоря. Сказал, уводя в Изборск свою дружину и тридцать шесть варягов Трувора Белоголового. Тридцать шесть свидетелей, которые не должны были вернуться, унеся с собою тайну. Но сын не вернулся тоже. Кто-то занес в Изборск черную болезнь, от которой не было спасения, и Ротбар приказал завалить ворота. И умер вместе со всеми: он был настоящим воином, он не выпустил болезнь из стен Изборска, он спас князю княжество, а конунгу — честь. А через год погиб Бьерн, и пришлось думать о наследнике, но разве наследника можно родить последним?

И новгородские послы бросили к его ногам обломок ржавого меча. Неужто ради этого он уходил из родного селения под рыдания матерей и проклятия отцов? Уходил в вик, отвергаемый всеми, заживо оплаканный и вычеркнутый из памяти, как покойник? Что вело его и других удалцов рвать с родом своим? Жажда добычи? Они еще не видели ее, не знали ни цвета золота, ни торжества побед, ни перепуганных ласк захваченных девушек. Они знали иное: страх. Страх жалкого пахаря на бедной земле: отдаст ли она

брошенное в нее последнее зерно, сбереженное голодом собственных детей? И так каждый год, с детства до могилы, без просвета, без надежд на лучшее, без радости. Суровый быт, суровые обычаи, запреты, полуголод, тягостная воля старших. Молодость страшится повторить беспросветную жизнь старших, страх рождает отчаяние, отчаяние — бунт. И раз в три-четыре года ватаги наиболее отчаянных уходили от опостылевшей жизни отцов в поисках счастливой доли. Уходили навсегда, без права возврата, считаясь не только проклятыми, но и неживыми. Сколько их гибло в битвах, тонуло в бурных волнах, умирало в горячке, но ему был уготован иной жребий. Он сразу понял, что хитрость острее меча, а цель оправдывает все. Он, проклятый родом своим, стал тем, кем хотел стать: конунгом дружины и князем Господина Великого Новгорода. И если бы боги сохранили ему сыновей, сыновья завидовали бы его жизни и его славе. Они бы не ушли в погоню за удачей, они бы продолжили его дело, и род, его, Рюриков род, возродился бы к новой славе.

Но сыновей нет. Есть хилый младенец, ненависть к которому опередила рождение. А он стар и немощен, он не может спать от болей в костях и ранах, и новгородцы швырнули к его ногам ржавый обломок его собственного меча. Но

есть две силы, которые славяне не учли: сила конунга русов Олега и священная клятва Сигурда. Калек не выбирают конунгами, и никакое чудо не поможет сыну Трувора Белоголового, даже если он узнает правду о своем отце.

Впрочем, откуда он может узнать? Все свидетели умерли в Изборске. Все до одного. Даже собственный сын Ротбар. А Сигурд тогда был младенцем, да его и не было в Новгороде. Ни его, ни его матери, которая, как и полагалось, очень скоро умерла. И тогда он, конунг и князь Рюрик, взял сироту под свою руку, приблизил к себе, учил и воспитывал в поклонении и преданности, чтобы иметь опору в роде своем. И сам же превратил его в калеку. Верно ли все сделано? Верно. Надо разделить силу и клятву. Пусть следят друг за другом, зависят друг от друга и ненавидят друг друга. Только это обеспечит его малолетнему Игорю наследственную власть. Потому что любая власть вырастает на ненависти. Ненависть — сила власти. Ненависть и подозрение: они посеяны, и плодом их будет правление его сына.

А Сигурд... Рюрик был, пожалуй, младше него, когда разжигал костры и мыл котлы в варяжской ватаге, грабившей караваны на торговых путях Великого Новгорода. Два лета, пока не стал младшим воином, которых, как собак, спускали с цепи добивать раненых после битвы. Чтобы не

боялись крови и не знали жалости. Чтобы умели убивать одним ударом. Чтобы учились ценить только собственную жизнь.

Чтобы стать конунгом, надо дождаться, пока старый конунг не падет в бою. И Рюрик ждал, как ждет рысь, распластавшись на древесном суку. Долго ждал, покупая любовь воинов щедростью и отвагой. И дождался: в бою со славянами новгородский витязь удачным ударом выбил меч из ослабевшей руки. Рюрик был за спиной, и конунг протянул ему руку, требуя оружия. Но Рюрик не отдал ему своего меча, хотя закон ватаги карал за это смертью, и если бы конунг тогда уцелел... Но он не уцелел: уцелел только его взгляд, и Рюрик до сей поры видел его глаза. Тогда, в том бою, он отвернулся от его взгляда, но теперь, в старости, на краю вечного забвения, отворачиваться уже некуда. Этот взгляд пронзает, как проклятие, от него не уйдешь и не спрячешься, но тогда мечта была дороже. И через три дня после похорон погибшего конунга, после погребальных песен и погребального костра воины избрали вождем его, Рюрика, а те, кто не выразил восторга, очень скоро погибли в битвах, на переправах или от внезапных колик в животе. Предательство — когда предают тебя. А когда предаешь ты — это не предательство. Это — военная хитрость, которую любят боги.

Став конунгом и избавившись от

недовольных, Рюрик смог осуществить то, что задумал еще будучи воином, берсерком и приближенным последнего вождя, оставшегося без меча в схватке со славянами. Грабеж купеческих лодий был неверной и непостоянной добычей. На юге по Ильменю и по Ловати сидели хищные русы, которым доставалась основная доля наиболее дорогого товара: его варяжская ватага грабила на севере, у озера Нево. Здесь было опаснее, чем на юге, здесь часто появлялись новгородские отряды, да и сами торговые гости, отдохнув в Новгороде, набирали добрую охрану. Здесь было много риска и мало проку, и куда чаще приходилось бежать от новгородских стрел, чем делить добычу. Старый конунг и думать не желал о договоре с Новгородом, но Рюрик думал о нем постоянно, и при первой же возможности сам привел новгородцам богатый караван с Балтики.

— Варяги на севере и русы на юге грабят твои суда, Господин Великий Новгород. Я готов защищать их силой своих мечей. В награду — кормление моей дружины и доля с товаров, которые я спасу от грабежа.

Это было выгодно, и новгородцы согласились. В тот же год Рюрик спустился по Ильменю к югу и вступил в края русов: летом они грабили караваны, на зиму уходили к семьям в Старую Русу. Рюрик шел с почетной стражей из отроков, потому что не

хотел войны и искал договора, и конунг русов Ольбард принял его.

— Братъ выкуп? — Ольбард засмеялся. — Зачем мне часть, когда я беру все? Я не понимаю тебя, Рюрик.

— Хороший бортник окуривает пчел, лезет на дерево и берет часть меда, чтобы рой мог перезимовать. Плохой — рубит дерево и забирает все, а на следующее лето бегаёт по лесам в поисках нетронутой медведем борти. Новгород богат, Ольбард, и если мы с тобой договоримся не рубить дерево...

Блики костра отражались на гладко выбритой голове конунга русов, и только с макушки свешивался на правое ухо длинный клочок нетронутых с рождения волос. Ольбард красил этот чуб в синий цвет, за что и был прозван Синеусом.

— Ты мудр, Рюрик, а я боюсь мудрости больше меча. И чтобы новгородские пчелы не зажалили меня до смерти, когда я буду брать свою долю меда, мы поменяемся сыновьями. Твой сын станет моим сыном, а мой — твоим: так братаются русы, конунг Рюрик.

Рюрик отдал среднего сына Бьерна за малолетнего Олега, наследника конунга Ольбарда, и вонзил меч перед Синеусом, клянясь в братской верности. Бьерн погиб счастливой смертью в бою и сейчас пирует у костров Вальхаллы, а Олег вырос

под его мечом. Он был осторожен и смел, расчетлив и отчаян, хитер и умен и отъехал от Рюрика, когда Синеуса настигла стрела, пропитанная ядом. По варяжским преданиям, старший, сын наследует смерть отца, и Рюрик сказал об этом Олегу.

— Я не боюсь стрел, конунг, — улыбнулся Олег. — Я боюсь змей.

А за семь лет до этого отъезда восстала новгородская голытьба, и Рюрик с огромным трудом вырвался из города с остатками дружины и рассеченной грудью.

4

Вадим Храбрый был красив и могуч, и лучшего бойца, вождя и воина давненько не знавал Новгород. Он всегда выступал за черный люд, за гребцов и рыбаков, за вдов и сирот, за смердов, закупов⁴ и даже рабов. Он требовал доли для нищих и убогих и призывал на вече прогнать варягов, а долю их кормления и добычи отдать новгородской бедноте. Год новгородцы слушали его речи, орали и дрались, а потом чаша переполнилась и хлынула через край. И запылали дома богатеев, затрещали их склады и хранилища. Рюрик бежал, и рухнул

---

⁴ Человек, попавший в долговую зависимость.

порядок. Вслед за городом поднялись окрестные селения, варягов гоняли по лесам, а Синеус был далеко, и Рюрик не смог к нему пробиться. А тут совсем уж некстати на руках оказался Олег — совсем мальчик, еще с длинными волосами. Если бы он погиб или попал в плен, Синеус, не задумываясь, сам убил бы сына Рюрика Бьерна. И Рюрик пуще собственных глаз берег мальчишку.

Все тропы были перекрыты, он оказался загнанным в трясины, но вовремя понял, что это — трясины. А в тряпинах не бегут, не шарахаются из стороны в сторону, даже не идут, а — шагают. Шагают осторожно, озираясь и продумывая каждый шаг. И первым шагом в его положении загнанного должен был стать отвлекающий удар. Но дружина была рассеяна, золото — в Новгороде, и оставалось одно: обещать. Обещать союзникам дружбу, наемникам — безнаказанный грабеж Великого Новгорода, собственной дружине — будущую власть, добычу, женщин. И он тут же разослал красноречивых поднимать чудь, весь и явь под залог будущего грабежа, а старых воинов во главе со старшим сыном Ротбаром — собирать остатки варягов. А сам затерялся в глуши возле Ладоги, оторвался от преследования и стал готовить второй шаг: избавиться от вождя восставших Вадима Храброго.

Славянская отвага доверчива, это Рюрик знал.

И к тому времени, когда зашевелились наемники, угрожая Новгороду, и Вадим вынужден был прекратить преследование варягов, понял, как можно сыграть на этой благородной доверчивости. Послал преданного Трувора Белоголового во что бы то ни стало привести к нему именитых людей Новгорода, недовольных Вадимом. И вскоре Белоголовый привел послов.

— Лучшие люди Великого Новгорода бьют тебе челом, конунг Рюрик. Вернись и прогони Вадима.

— Я не забываю обид, а кто помог мне, когда Вадим поднял мятеж?

— Мы принесем тебе роту на верность и усладим твой слух звоном золота.

Рюрик презрительно улыбнулся:

— Звенят только мечи. Если Вадим согласится встретиться со мною в честном поединке, победитель получит все.

— Конунг, не ставь на меч судьбу великого города. Среди послов были соглядатаи Вадима, Рюрик в этом не сомневался. Откинул медвежьё шкуру, под которой лежал полуголым, и послы в ужасе отпрянули, увидев его страшные раны. Откуда было им знать, что Рюрик нарочно растравлял их волчьим корнем, чтобы старые шрамы смотрелись как смертные язвы. И сказал:

— Смерть пожирает меня, а поруганная честь

терзает сердце, и мне не на что опереться, кроме меча. Ступайте к Вадиму: пусть его меч проложит мне путь к кострам Вальхаллы.

С остатками дружины и с тем сбродом, который удалось приманить грабежом, Рюрик и мечтать не смел, что сможет ворваться в город. Туда его могла ввести только хитрость, и он прикидывался умирающим и распускал слухи, что мечтает о смерти в бою, как то положено варягу. Надо было склонить Вадима к поединку: в этом Рюрик видел единственное спасение.

Но, выжидая и прикидываясь, продолжал готовиться. К тому времени Ротбару удалось собрать варягов, однако Рюрик, оставив себе только три десятка, остальных распределил среди наемников. И условился, что все они, подтянувшись к городу, ударят по его дальним концам, как только вечерней колокол возвестит о конце поединка. А сыну тайно передал: как только прозвучит колокол, ударить наемникам в спину без всякой пощады. Рюрик хотел вернуться в Новгород в ореоле его защитника и заступника. Или и впрямь погибнуть от меча Вадима Храброго, если витязь поймет его игру, несмотря на всю доверчивость славянина.

Вадим согласился на поединок — он был отважным воином, но слава вождя восставшей голытьбы сияла перед его очами. Он еще не понял, что нужно всегда обгонять свою славу, чтобы она

освещала путь, а не ослепляла в боях. Едва узнав о согласии, Рюрик продумал весь поединок от первого выпада до последнего удара, пожевал за час до боя сушеных мухоморов и ровно в полдень, как было оговорено, прибыл на Вечевую площадь. Цареградская броня сверкала на его плечах, но вооружен Рюрик был коротким абордажным варяжским мечом.

— Тебе будет жарко в ромейских доспехах, конунг, — усмехнулся Вадим.

Он был могуч и красив. Постриженные в кружок волосы стягивал ремешок на лбу, шлема он не надел, кольчуги тоже, и стоял перед Рюриком в алой рубахе до колен, опираясь на длинный славянский меч. Рюрик оценил алую рубаху, которая до времени скроет от зрителей кровь, но особенно оценил — меч.

— Я хотел скрыть свои раны, — сказал он. — Но ты прав, лучше снять железо.

Рюрик раздевался медленно, неторопливо развязывая ремни и расстегивая пряжки. Ему помогал Трувор Белоголовый, но Рюрик нарочно мешал ему: ведь он раздевался в тени, оставив Вадима на полуденном солнцепеке. Отвернувшись, еще пожевал мухоморов — ровно столько, сколько требовалось, он побывал в берсерках и знал меру — и вышел на поединок голым до пояса с умело растравленными волчьим корнем старыми ранами.

И с ударом вечевого колокола начался тот поединок. Самый тяжелый во всей его полной боев, обманов, крови, предательств, побед и поражений судьбе.

Спору нет, длинный славянский меч незаменим в борьбе с юрким степным кочевником. Он не подпустит его близко, не даст стоптать конем, достать саблей; перерубит копьё и аркан. Он и рожден там, в постоянных стычках Запада и Востока, но все же тяжеловат для поединка в полдень. Рюрик владел всеми видами оружия, знал расстояния, на которых следует держаться, и длину прямых выпадов. Как бы он там ни хитрил, а тяжелая доля берсерка, которому меч заменяет и щит, и шлем, и кольчугу, многому его научила. Еще не начав боя, еще неторопливо раздеваясь в тени, он определил рост и вес противника, тяжесть его меча и длину его шага. Сам он был ниже Вадима, меч его был короче, но Вадим и его меч весили куда больше его тела и его оружия. И в этом могло быть спасение, если бы удалось навязать свой бой, избегать сближения, дразнить Вадима видимостью атак, все время кружить и кружить его, разворачивая против солнца и ослепляя блеском собственного меча. Пока не устанет, пока не зарябит в глазах: славянский меч тяжел для поединка, и ты очень ошибся, витязь, избрав это оружие.

Рюрик вился вокруг Вадима, как оса, всегда в самое последнее мгновение уходя от его меча. Великое счастье было в том, что он с отрочества каждое утро до крутого пота, до полного изнеможения прыгал с тяжелым учебным оружием, несмотря ни на что. Ни на усталость, ни на страшное раздражение после берсеркского зелья, ни на ломоту после битв и пиров. Он жаждал власти несравненно сильнее славы и золота, он родился с этой жаждой и верил в нее, как в голос Великого Одина, поселившийся в его душе. Он любил оружие и лелеял его, когда воины предавались безумным утехам, зная, что меч увеличивает его мощь, а женщина крадет ее, и позволял себе тосковать по гибким телам только на зимовьях. И все время умело разворачивая славянского витязя лицом к солнцу, верил, что до сей поры жил только ради этого поединка.

А ведь Вадим Храбрый был неизмеримо сильнее. Его длинный меч разрубил бы Рюрика до пояса, но Вадим долго не мог позволить себе настоящих атак: ведь перед ним был израненный человек, жаждавший смерти. А когда понял, когда все сообразил, пот уже застилал глаза и рубаха липла к плечам. Вот тогда он начал биться по-настоящему, но его меч всякий раз с яростной мощью опускался на то место, где Рюрик только что был, и тело витязя сотрясалось от этих пустых

ударов.

И все же Вадим дважды зацепил Рюрика. Кровь сочилась по телу конунга, окрашивая старые раны, растравленные волчьим корнем, и со стороны казалось, что Рюрик изнемогает в борьбе. И вокруг восторженно кричали сторонники Вадима, и витязь утроил стремительность атак. Да, расчет Рюрика и в этом оказался верным: ему хватило крови и сил до конца.

Через час тяжелый славянский меч стал заметно зависать перед ударами и чуть медленнее возвращаться после выпадов. Рюрик терял кровь и пот, сил оставалось мало, но появилась ясность, как сложится далее поединок: его спасли те полчаса, когда Вадим играл, а не бился. И он усилил стремительность ложных атак, еще быстрее закружив Вадима. И здесь оборвалась нить чуда, спасавшая его: сквозь застилавший глаза пот он вдруг увидел меч над своей головой. Уже не было времени увернуться, и Рюрик успел лишь вскинуть навстречу собственное оружие. Сталь со звоном встретила сталь, блеснули искры, меч Рюрика сломался и вылетел из его руки. Правда, он отбил удар, меч Вадима опять вонзился в землю. Рюрик беспомощно оглянулся, увидел за спиной Трувора Белоголового, посмотрел на него тем самым последним затравленным взглядом, каким когда-то старый конунг смотрел на молодого

Рюрика. Но тогда Рюрик не протянул старику своей руки, а Трувор, не раздумывая, кинул на помощь собственный меч. Это допускалось, ибо победа над вооруженным противником стоила неизмеримо дороже, и Вадим даже чуть задержался с новым выпадом, чтобы Рюрик успел поймать брошенный меч.

Славяне великодушны, и в этом их слабость, как всегда считал Рюрик. Сколько раз он обманывал новгородцев, играя на их великодушии, а они снова и снова гордо не замечали лжи и обманов. Они любовались своим великодушием, как женщина красотой, как дети — игрушкой, а Рюрик всю жизнь презирал женщин и детей. И спокойное великодушие славянского витязя в смертельной схватке пробудило в конунге дикую ярость берсерка. Он ринулся на Вадима с внезапно возникшей в нем неистовой ослепляющей ненавистью, не обращая внимания на невыносимую боль в запястье, вывернутом при отражении сокрушительного удара Вадима.

Новгородский витязь не ожидал этой атаки. Даже отступил, даже повернулся лицом к солнцу, уходя от натиска. Но опомнился быстро, занес оружие для удара, но Рюрик, опытом всех предыдущих боев уловив, что Вадим делает выпад на вдохе, нырнул под сверкающее полукружье и точно нанес удар в сердце. Великих воинов

убивают сразу, трусам вспарывают животы. На этом стоял он сам и этому учил своих варягов.

У него хватило сил выдернуть меч и не упасть самому, хотя все плыло перед глазами, а боль в разорванном запястье стала такой, что он едва удерживал сознание. И заставлял, всей волей заставлял себя видеть рухнувшего соперника, замершую толпу на площади и три десятка варягов. Но все-таки закачался и, наверное, упал бы, если бы Трувор Белоголовый не подставил плечо. Он оперся левой рукой и оглянулся на выборных новгородских судей:

— Я победил Вадима Храброго, Господин Великий Новгород!

Гулко и печально ударил вечевой колокол.

5

Гулко и печально ударил вечевой колокол. И не успел звук его растаять в воздухе, как с дальних концов города донеслись дикие крики: подкупленные обещаниями орды ринулись жечь и грабить. По площади заметались люди, началась паника, а изнемогавший от боли, усталости и потери крови Рюрик торжествовал: вечевой колокол Новгорода пробил его час.

— Белоголовый, передай моему сыну Ротбару чтоб атаковал разбойников. Пленных не брать.

Новгородцы, отстоим от врага Великий Новгород!

Очнулся Рюрик в прохладной палате, когда все было кончено. Наемники, не ожидающие удара в спину, были разгромлены с помощью новгородской рати быстро и беспощадно: Рюрику не нужны были свидетели, и варяги старательно добились раненых. Об этом доложил конунгу Трувор Белоголовый с глазу на глаз: больше в палате никого не было.

— Именитые люди Новгорода во главе с Гостомыслом ждут, когда повелишь войти, конунг.

«Что-то я хотел запомнить во время боя, — думал Рюрик. — Что-то важное твердил себе, чтобы не забыть... Ах да, Трувор бросил мне свой меч и тем унижил меня, потому что я до сей поры помню взгляд своего старого конунга. Трувор напомнил мне сегодня об этом, и глаза его сияли от восторга. Он торжествовал...» И спросил:

— У нас большие потери?

— Мы кололи их в спины, конунг.

— Где Ротбар?

— Поехал за Олегом. У мальчика малая охрана, и недобитые нами сегодня могут попытаться отомстить.

— Ротбар рассудил верно. Помоги мне встать и позови бояр.

— Ты победил, конунг, — с почтением сказал Белоголовый, помогая Рюрику пересечь во главу

стола.

— Мы победим, когда уничтожим всех, на кого опирался Вадим. Всех его друзей и всех его людей. И... — Он помолчал. — У Вадима есть дети?

— Нет. Только жена. Ее ищут.

— Пусть найдут. Зови бояр.

Бояр было семеро. Рюрик знал их по службе в городе, где его дружина поддерживала порядок. Тогда этот порядок («наряд», как говорили славяне) определял новгородский посадник Гостомысл — самый богатый, самый влиятельный и самый умный из новгородцев. Именно он нанимал Рюрика и его варягов для охраны города и торговых путей, он определял вознаграждение дружине и конунгу, и тогда Рюрик три шага пятился при расставании, прежде чем уйти. Но сегодня Рюрик сидел во главе стола, а Гостомысл первым отбил ему поясной поклон.

— Вече Господина Великого Новгорода повелело наречь тебя князем, конунг Рюрик. Иди и володей нами!

— Слава князю Рюрику! — хором подхватили бояре. — Слава!

— Страна наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Принеси нам мир и правый суд, князь Рюрик, и Новгород будет славить тебя во веки веков.

«О праве моих сыновей эта старая лиса не сказала ни слова, — подумал Рюрик. — Но я вытяну из тебя их права».

И сказал:

— Павшего в честном поединке славного витязя Вадима Храброго предать огню с великими почестями. Семью его...

— У него нет никого, кроме жены.

— Жену его найти: я желаю приблизить ее, воздав должное вдове отважного Вадима.

— Наши люди ищут ее.

— Жаль, что приходится учить тебя, посадник Гостомysl. Вы найдете ее на похоронах мужа и приведете ко мне, когда обряд будет завершен.

— Склоняю голову перед твоей мудростью, князь Рюрик, — вкрадчиво произнес Гостомysl. — Мы немедленно исполним твое повеление, но позволь досказать тебе наши условия.

— Говори, посадник.

— Новгород нарекает тебя князем с родом своим.

«Вот где он поставил силки, — подумал Рюрик. — Ему отлично известно, что у варяга нет и не может быть рода, ибо он проклят своей землей. Надо выигрывать время...»

И сказал:

— Это справедливо, ибо род мой наследует мою власть. Верно ли я понял тебя, посадник?

— Ты верно понял, князь. Нет рода — нет наследия, и тогда ты будешь князем только при жизни своей.

— Прежде чем принести роту жителям Великого Новгорода, я должен посоветоваться с богами и родом своим, ибо сейчас здесь присутствует только один из братьев моих, — его осенило вдруг, он был счастлив, что осенило, — Трувор Белоголовый. Он останется за меня творить справедливый суд и защищать город. Время беспокойное, наряд еще не восстановлен, вокруг бродят вооруженные отряды. Если вы согласны, я, избранный вами князь, оставляю за себя брата Трувора. Если нет — я увожу своих варягов.

Бояре сгрудились, о чем-то тихо заговорили... Впрочем, Рюрик не прислушивался: он поставил их в безвыходное положение — во всем Новгороде не оставалось сколько-нибудь серьезной силы, на которую Гостомысл мог бы положиться. Кроме варягов, увести которых угрожал Рюрик.

— Мы понимаем твою правоту, князь Рюрик, — ответил наконец посадник. — Мы будем подчиняться твоему наместнику и брату Трувору Белоголовому, если ты оставишь с ним своих варягов.

— Решено. Ступайте. Теперь они пятились перед ним, и ему было приятно. А как только за боярами закрылась дверь, Рюрик схватил Трувора

за кольчугу, притянул к себе:

— Ты наведешь здесь порядок, Белоголовый. Новгород должен содрогнуться!

6

Объявив всем, что идет за родом своим, Рюрик направился совсем в другую сторону. Он отошел к Ладоге, где ждали Ротбар и Олег под малой охраной. Надо было залечить раны, срастить разорванное ударом Вадима запястье, отдохнуть и вновь приучить руку к мечу. Жил тихо и осторожно, Ротбар держал связь с Новгородом через верных людей, и Рюрик знал, сколь неистово свирепствует Трувор, наводя страх и порядок. И лишь одно огорчало: жену Вадима Храброго не удалось захватить даже на пышных похоронах мужа.

Раны затянуло скоро, и жила срослась скоро — в те годы все на нем заживало, как на волке. Но кисть пришлось разрабатывать, и он отправился в родные края поздней осенью, когда по утрам иней уже серебрил полегшие травы. Зачем поехал? Ведь не за родом своим — не было у него более рода: слишком хорошо знал он суровые обычаи предков. Нет, не ради рода поехал — ради удовлетворенной гордости. Это сейчас, когда ноют все кости, можно лишь усмехнуться по столь ничтожному поводу, но

тогда... Много ли викингов добивались того, чего добился он, будь то норманны, даны или его соплеменники? Их можно перечесть по пальцам одной руки, о них слагались саги, им посвящали песни скальды у костров живых и павших воинов. И он, изгнанный, проклятый и заживо оплаканный похоронными воплями женщин бродяга, долгими бессонными ночами лелеял мечту, как пройдет по родному селению, как толпою будут бежать за ним мальчишки, униженно кланяться старики, а девушки устелят путь его душистой ячменной соломой. Как он будет торжественно принят в общественном доме, как все будут благоговейно молчать, слушая его рассказы, и поднимать кружки с пивом только тогда, когда он поднимет свою. Поэтому он поехал без охраны, только с гребцами и двумя лично преданными ему воинами. И море было спокойным, и он благополучно прибыл к родным берегам, но в селение все же пошел не прямым путем: было время подсечки берез, и он надеялся вначале найти брата.

Он не ошибся: голый по пояс, в одних потертых штанах, брат подсекал березняк. За зиму подсеченные березы высохали, весной их следовало сжечь и сохой перепахать горелую землю под рожь или ячмень. Рюрик присел на подрубленный ствол, долго глядел на жилистую, мокрую от пота спину старшего брата и вдруг

подумал, что его брат помнит все дни своей жизни, когда ел мясо. Все дни, как великие праздники.

Брат сразу увидел его, испугался и долго делал вид, что не замечает. Но когда потребовался отдых, когда он окончательно запыхался, махая топором, не замечать уже было невозможно. Он воткнул топор в ствол и обернулся:

— Зачем ты вернулся, викинг? Тебя не допустили до костров Вальхаллы и озябший дух твой мечется в темном царстве мертвых?

— Я живой. Можешь потрогать.

Брат не решился. Долго со страхом и грустью глядел на него, потом вздохнул;

— Тебя проклял отец и все мужчины, а мать расцарапала щеки, распустила волосы и рыдала вместе с женщинами. Мы давно похоронили тебя, викинг, и, следовательно, ты — мертв.

Рюрик неожиданно встал и пошел прямо на него. Брат испуганно отпрянул, но Рюрик, не обратив на него внимания, взял топор и начал подсекать березы. Плечи воина тренированнее плеч землепашца, рубка для него — привычное дело, а за день он, бывало, съедал столько мяса, сколько брат — за всю жизнь. Березки безмолвно рушились от его ударов, топор сверкал в лучах низкого осеннего солнца.

— Разве духи способны делать дела живых?

Брат промолчал. Он еще был в смущении.

Рюрик прошел еще две полосы, спросил, не оглядываясь:

— Хочешь посеять ячмень?

— Рожь, — тихо сказал брат. — То поле, которое мы с тобой и отцом когда-то расчищали, истощилось за эти годы.

— Отец с матерью живы?

— Мать жива.

Наконец Рюрик воткнул топор и сел передохнуть. Брат осторожно, по шажочку, приблизился к нему.

— Устал?

— Устал, — ответил Рюрик, имея в виду не топор, а всю жизнь.

Брат понял его и вздохнул:

— Есть выморочный надел. Бери вдову в жены, она еще молода... — Тут он замолчал, с сомнением оглядев кольчугу Рюрика, отделанную серебром, его дорогое оружие, золотой пояс. — Конечно, тебе придется просить прощения у старейшин, но, может быть, они позволят тебе откупиться.

Рюрик расхохотался. Громко, зло. Над собой, поняв, что не будет торжественного приема, всеобщего благоговения и девушек с охапками соломы.

— Я разучился ласкать землю. А без ласки она не родит. Как женщина.

— Тебя отравила война. — Брат вздохнул. — Война и кровь. Соха надежнее меча, старики говорят правду.

— Я правитель Великого Новгорода, брат.

— Ты взял его мечом?

— Я захватил его хитростью.

Брат сокрушенно покачал головой. Долго разглядывал корявые ступни, утопанные тяжким трудом.

— Хитрость острее меча, но то и другое притупляется.

— То и другое надо оттачивать.

— Значит, ты приехал таким нарядным, чтобы сманить юношей в свою ватагу?

— Я много лет не был дома. Я не знаю, сколько голодных зим прошло без меня.

— Великий Тор не допустил голода.

— У нас разные боги, брат, — усмехнулся Рюрик. — У меня — Великий Один, требующий крови и отваги, у тебя — Великий Тор, требующий труда и пота. А ведь мы выросли из одного детства.

— Из детства уходят разными дорогами. И из тех юношей, которых тебе удастся сманить, ни один не станет правителем даже захудалой деревеньки, пока ты жив. Не сей соблазн в селении, Рюрик, тебя забросают камнями. И первый камень брошу я.

Рюрик уехал, несолоно хлебавши, но не мог

вернуться в Новгород. Он согласился на условие Гостомысла править с родом своим только потому, что это обеспечивало наследственность власти. Трувор предан и исполнитель: он утвердит порядок, вырезав сторонников Вадима Храброго и прочих непокорных, но этого мало для будущего спокойствия. Нужен кто-то с мощной дружиной, и такой есть. Есть побратим, с которым он в залог вечного союза обменялся сыновьями. Конунг северных русов Ольбард, прозванный Синеусом. И вместо Новгорода Рюрик направился в Старую Русу — зимовье Синеуса и его дружины.

7

Синеус встретил его с подобающими почестями. Был трехдневный пир, бои воинов, подарки, и по обе стороны конунга русов сидели Рюрик и Бьерн. Юноша окреп, уже участвовал в боях, и Синеус — шумный, громкий, веселый — предлагал обрить его по обычаям русов, оставив на темени чуб, и женить на русинке.

— Пока Олег подрастет, Бьерн станет водить мою младшую дружину, князь Рюрик. И нам не страшны будут ни новгородцы, ни кривичи, ни роги, ни чудь с мерью, весью и финнами!

— Юную силу нужно развивать в боях, а не в постелях с женщинами, конунг. Подождем, пока у

моего сына созреют плечи и он научится рубить с двух рук, как положено варягу.

— Ты прав, князь Рюрик, но Бьерн уже не варяг. Он сын Новгородского владыки.

Синеусу ничего не надо было рассказывать, потому что он знал все: у него были надежные люди в Новгороде. И Рюрик ничего не рассказывал три дня, пока шли пиры и ристалища. Конунг русов казался слишком шумным, чтобы хитрить, и Рюрик не брал в расчет его хитрости. Правда, Синеус остановил движение родственного русам племени рогов на западе, умело сдерживал напор славян-кривичей с юга, но очень уж давно жил в славянском окружении, то воюя, то мирясь, а потому, с точки зрения побратима, в известной степени подпал под влияние славянского простодушия. И Рюрик терпеливо ждал, когда Синеусу надоест бражничать.

— Значит, ты предлагаешь мне из равного стать третьим братом, — сказал Синеус, когда они наконец-то перешли к делам. — Ты — варяг, конунг Рюрик, и, кто бы ни назвал тебя князем, навсегда останешься им. Еще не убив медведя, ты уже примеряешь его шкуру на свои плечи, берсерк.

— Это — для новгородцев. Они жаждут порядка, потому что без порядка нет торговли, а без торговли нет Новгорода. А нам с тобой делить нечего, в конце концов, мы всегда сможем

договориться, кто сядет выше, а кто — ниже.

— А Трувор Белоголовый? — Нет, конунг русов совсем не был похож на простодушного гуляку. — Он — из твоего племени и всегда быстрее найдет путь к твоему сердцу, чем я. И всегда будет два брата, а не три. Два проще трех для того, кто умеет убеждать. Вот и правьте вдвоем в Новгороде, а нам, русам, оставь свою милость, вечный мир, согласие и... и сына.

Рюрик не спешил с ответом. Конечно, два правителя лучше трех, потому что второму не с кем сговориться. Но у Синеуса — могучая дружина, слава вождя и воля конунга, а что есть у Трувора, кроме преданности? Но преданность нельзя взвесить, а силу дружины Синеуса придется взвешивать всегда. Кроме того, у Трувора есть взгляд. Тот собачий, преданный взгляд, с которым он протянул Рюрику свой меч в поединке. Почему-то в этом взгляде Рюрику чудился другой взгляд: полный презрения взгляд старого конунга... И сказал:

— Трувор очень огорчил меня, конунг Ольбард. Он пренебрег моими просьбами, устроил в Новгороде резню и ожесточил сердца славян. И ты совершенно прав, когда говоришь, что двоим править легче, чем троим.

— Благодарение Перуну, мы поняли друг друга. Какую часть Земли Новгородской ты отдашь

своему соправителю?

— Ты хочешь укрепиться в Изборске?

— Я хочу, чтобы с рогами всегда разговаривал ты, князь Рюрик. Мне кажется, нам всем будет удобно, если ты отдашь мне Белоозеро на прокорм дружины. Тогда у меня вряд ли возникнет желание наведываться в Новгород без твоего повеления.

— Мне нравятся твои слова, конунг. Однако, чтобы жизнь потекла по этому руслу, мы должны въехать в Новгород во главе твоей дружины и посмотреть, что же натворил без нас неразумный Трувор.

В начале зимы Рюрик и его названный брат Синеус прибыли в испуганно замерший Новгород во главе отборной дружины русов. На Вечевой площади вместо колокола раскачивался труп. Светясь чувством исполненного долга, Трувор Белоголовый вместе с Гостомыслом и людьми именитыми с великим почетом встречал князя Рюрика и конунга Синеуса.

— Я исполнил твою волю, конунг и князь! Рюрик жестом остановил Трувора, встал, опираясь на стремяна:

— Я пришел с родом своим, Господин Великий Новгород! Я выполнил ваши условия и отныне буду править в Новгороде, творя честный суд и защищая вас. Мой брат Синеус будет хранить

Белоозерскую пятину, а Трувор — Изборск от рогов и кривичей.

Среди собравшихся бояр раздался недовольный гул, но дружинники Синеуса уже окружили площадь, и ропот утонул в бряцании оружия.

— Я ожидал встречи, но колокол молчит, — продолжал Рюрик. — Вечевой колокол должен гудеть, когда возвращается ваш князь! Почему ты снял колокол, Трувор?

— Он звонил не вовремя, конунг и князь. Я снял его и повесил звонаря.

— Нашел ли ты вдову витязя Вадима Храброго?

— Нет. Ходит упорный слух, что она утопилась.

— Мне больно видеть зло, творимое именем моим, жители Господина Великого Новгорода! — неожиданно с гневом выкрикнул Рюрик. — Мне больно слышать плач и стенания вдов и сирот!. Мне больно чувствовать вашу подавленность и вашу скорбь! Здесь именем моим творились дела жестокие и несправедливые, творилось беззаконие и кривда, и повинен в этом мой брат Трувор Белоголовый. Я суров, но я справедлив, и, чтобы Новгород навсегда убедился в моей суровой справедливости, я отдаю на ваш суд Трувора Белоголового!

— Конунг! — отчаянно выкрикнул Трувор.

— Положи меч к стопам моего коня и проси прощения у Господина Великого Новгорода. Тебя будет судить обиженный тобой народ. Где твоя семья, несчастный?

— На зимовье. Конунг, пощади!

— Слава великим богам, они не увидят твоего позора.

— Конунг! — Трувор рванулся вперед, схватился за княжеское стремя, припал к ноге. — Я спас твою жизнь в поединке. Я исполнял твои тайные приказы. Я не нарушил своей клятвы, и я расскажу все...

Рюрик с силой опустил закованный в стальную рукавицу кулак на голову Трувора. Белоголовый зашатался, цепляясь за стремя, а Рюрик бил и бил по голове, пока тело наместника и названного брата не рухнуло к ногам его коня.

— В реку! — бешено выкрикнул Рюрик. — Под лед! И навсегда!..

8

Застонал, заметался Сигурд. Рюрик встал, тяжело ступая, прошел в угол, напоил юношу отваром из трав, холодной водой омыл лицо. Он знал множество трав и кореньев, умел варить настои и зелья, веселящее питье и медленные

отравы, и яды, убивающие мгновенно. Не зря он отдавал всю добычу Старому финну, знахарю и прорицателю, не зря жил в униженной бедности, когда все воины хвастались богатством, цепляя на себя золото. Он знал, что все вернет, когда все получит, и все вернул, когда все получил.

Успокоив Сигурда, он вернулся к столу, сел в любимое кресло и укутал ноющие колени медвежьей полстью. Может быть, Великий Один не даровал ему смерти в яростном бою из-за того, что он казнил тогда Трувора Белоголового, чьим мечом победил отважного Вадима и чьей слепой преданностью расчистил себе княжение в Новгороде? Но это же была хитрость, обычная военная хитрость, которую Один всегда ценит выше безмозглой храбрости. И тогда, отдав приказ о казни без суда, просто поставил в своей хитрости последнюю точку. И новгородцы опять кричали ему славу, он опять стал справедливым, он вновь установил порядок, и откуда им было знать, что Рюрик приказал отправить под лед Волхова не жестокого наместника, а свидетеля многих хитростей? Славяне великодушны и доверчивы, как дети.

— Не доверяй новгородцам, отец.

Так сказал его старший сын Ротбар, прощаясь навсегда. Правда, ни сын, ни отец не знали тогда, что более не увидят друг друга. Рюрик прятал

свидетелей, как мог, и сразу же после расправы над Трувором отправил в Изборск лучшую часть Труворовой дружины. Тридцать шесть воинов, оцепивших Вечевую площадь в день его возвращения, видевших и слышавших все. А вскоре в Изборске случился мор, и его сын Ротбар велел завалить ворота, чтобы мор не пошел по новгородским землям. И разделил участь всех воинов, но Великий Один должен оценить его жертву и допустить к вечным кострам Вальхаллы. Ротбар не бросил дружину в тяжкий час, не сбежал и не выпустил мор за стены Изборска. Он поступил так, как должен поступать преданный сын и отважный вождь. А Рюрик, отец и князь, не мог ни проститься с ним, ни предать его тело погребальному костру, и душа сына была обречена долгое время скитаться во мраке...

А вскоре в пустышной стычке с кривичами погиб Бьерн. Синеус с великими почестями доставил его тело в Новгород, вместе с Рюриком поджигал погребальный костер, принес в жертву дюжину пленных кривичей, но после тризны забрал Олега с собой.

— Мой сын должен принять обряд посвящения в воины по родовому обычаю, князь Рюрик.

Рюрик не спорил. И силы были неравны, и смерть двух сыновей пригнула его, и сама мечта

его, цель и смысл жизни оказались напрасными: наследников не было. Он просто отложил в памяти все, что случилось, сделав особую зарубку на Олеге: с его отъездом к отцу Рюрик лишился самого важного заложника. А при отсутствии наследников любая случайная стрела, удар ножом или капля яду давали Синеусу все права на княжеский стол в Новгороде, как последнему из названных братьев рода Рюрикова. Значит, надо было родить сына, а пока беречься схваток, охот и застолий.

Но сын мог и не родиться, Рюрик отдавал себе в этом отчет. Сын — благословение небес, но боги отвернулись от него, и он не знал, сколь долго продлится их гнев. И тогда он вернул семью казненного Трувора Белоголового из ссылки, в которую сразу же, еще в день казни, отправил жену, дочь и малолетнего сына Сигурда. В Новгород привезли только Сигурда: мать и дочь умерли по дороге от внезапной болезни, как и было задумано. Для сына Трувор пал в бою, но Рюрик не любил рисковать попусту: в Новгороде еще жили слухи. И тут же объявил осиротевшего мальчика своим воспитанником. Пока — воспитанником, но всегда мог сделать его и приемным сыном, если наследник так и не родится. Подобрал себе молодую жену, спрятался в лесном укрепленном лагере и наезжал в Новгород лишь творить суд. Делал все, чтобы родился сын, но родился он поздно, за это время

Сигурд превратился в отрока, научился владеть оружием и чтит Рюрика, как не чтит бы и родного отца. А теперь лежал в горячке, и правая его рука уже никогда не могла вытащить меч из ножен. Но всячески стараясь снять боль и вылечить воспитанника, Рюрик не жалел о мучительной клятве. Был сын, Игорь, наследник и продолжатель его рода, и был верный пес с перебитой лапой, который отныне обязан был служить Игорю, как служил ему, уравнивая темные страсти конунга русов Олега. Рюрик все продумал, все учел, все взвесил; оставалось ждать, когда окрепнет Сигурд, спрятать с его помощью малолетнего сына и подтолкнуть Олега в нужном ему, Рюрику, направлении.

И все же два вопроса нет-нет, а беспокоили его. Синеус столь стремительно увез своего сына, что Рюрику было бы проще, если бы названный брат его внезапно умер. Но сам он, лишившись сыновей, рисковать не мог, верных людей под рукой не оказалось, а пока Рюрик заботился о продолжении рода, Ольбард Синеус, конунг русов, его побратим и соправитель, умер собственной смертью. Что он успел поведать до своей гибели Олегу, оставалось тайной, которая глодала неизвестностью, но тут уж Рюрик ничего поделать не мог. Приходилось уповать на то, что с детства внушенное Олегу почтительное восхищение перед великим воином,

ставшим не только конунгом варягов, но и князем Господина Великого Новгорода, перевесит слухи, наветы и домыслы. Ведь свидетелей нет: Рюрик вовремя о них позаботился.

Впрочем, разве нет? Куда подевалась вдова Вадима Храброго? Утопилась? Рюрик не видел ее мертвой. И никто не видел. Говорить — говорили, но ведь никто не поклялся ему. А что, если та женщина-русинок, которую замучил в пыточной клетке кривоногий Клест, и впрямь была вдовой Вадима? Семеро признали в ней вдову, правда, трое — под пытками. Так кого же все-таки истерзал тогда Клест — русинку или славянку? Вдову Вадима Храброго или ни в чем не повинную женщину?

Это оставалось вопросом, а Рюрик не выносил вопросов без ответов. Ржавый обломок меча новгородцы преподнесли ему с глубоким тайным умыслом, вывод из которого оставался для него неясным и после всех воспоминаний. Что они намерены сделать: убить Игоря? Выгнать его из города под рев толпы и гул вечевого колокола? Подменить на славянского мальчика? Подменить?...

Последнее представлялось ему самым ужасным. Куда ужаснее даже Игоревой смерти.

И почему, почему именно эта пытка трижды приснилась ему?...

Глава вторая

1

Сигурд давно пришел в себя, но не шевелился и не открывал, глаз. И даже когда Рюрик подходил к нему, поил отваром, отирал лицо, спрашивал, он прикидывался, что ничего не слышит и не чувствует. Не потому, что сил не было, — силы уже возвращались. Просто хотел разобраться в себе самом, чувствуя, что пришло иное время, что юность кончилась, что отныне он стал взрослым и по-взрослому должен переосмыслить свою жизнь. В нем не было ни тени обиды за причиненные мучения, наоборот, он был преисполнен гордым ощущением избранности. Для великой клятвы конунг и горячо любимый воспитатель обратил взор свой именно на него, возложил на него священный долг... нет, нет, не только на него, но и на его детей!., защищать будущее Рюрикова Дома. Такое поручалось только проверенным, закаленным воинам, это было знаком величайшего доверия конунга, великой наградой за еще неисполненное, несовершенное, что он обязан был сделать знаменем всей своей жизни, ее содержанием и смыслом. Он все время думал об этом и о своей гордости, потому что очень боялся отчаяния, живущего глубоко внутри. Отчаяния молодого

искалеченного тела.

Первое, что он сделал, едва придя в себя, — попробовал сжать пальцы. Это было очень больно, невыносимо больно, но он не страшился боли, потому что понял самое страшное: рука не сжималась в кулак. Он пробовал и так и сяк, он сжимал непослушные пальцы левой рукой, но все было напрасно. Что-то сгорело в ладони, и, когда он понял это, заплакал. Заплакал, подавляя звериное отчаяние, последний раз в жизни: «Не убить мне больше медведя, никогда не убить, никогда...» А потом научился думать о своей великой гордости и великом долге и, когда убедился, что эти мысли надежно защищают его от отчаяния, тихо позвал:

— Конунг.

Рюрик кинулся на этот шепот с кресла, забыв вначале выпрямиться. Острая боль в пояснице пронзила его, но он добрался до ложа Сигурда и рухнул на колени:

— Ты — воин, Сигурд. Ты — великий воин. Ты опоясан моим мечом, который не знал поражений и пощады.

— Конунг, я благодарю тебя за великую честь.

— Молчи и копи силы. Я накормлю тебя сырой медвежьей печенью... — Рюрик тут же пожалел об этих словах, торопливо пояснил: — Я велел добыть медведя...

И снова, пренебрегая ослепляющей болью в

позвоночнике, поднялся, согнувшись и волоча ноги, принес печень. А потом, рубя ее на столе и смешивая с луком и брусникой, все говорил, говорил...

— Воин забывает все, кроме клятвы. Все проходит, все зарастает. Все шрамы. Вадим Храбрый разорвал мне запястье в поединке. Тогда меня спас твой отец Трувор Белоголовый, а запястье срослось само собой. Приучай к мечу левую руку, это еще опаснее для твоих врагов. Поэтому варяги и рубят с двух рук. Землепашцы, те, которые ковыряются в грязи и поту, тоже умеют владеть мечом, но только правой рукой. Им некогда приучать левую, и Великий Один сильнее их бога Тора.

«Медведя не заколешь левой рукой», — с горечью подумал Сигурд, но тут же подавил в себе все воспоминания. Отныне у него не было прошлого: безмятежного отрочества, счастливой юности, охот, скачек на вечерней заре, подобострастия челяди, сдержанного уважения дружины. Он совсем не помнил отца, редко и смутно представлял себе мать и сестру — конунг заменил собою все, всю семью и всю его память. А теперь отрезал и память, оставив только будущее. Да и это будущее было не его, а младенца Игоря. Отныне Сигурд обязан был существовать лишь ради чужого будущего. И в этом чужом будущем он

сегодня черпал свою силу, гордость и смысл собственной жизни. И сказал, впервые в жизни перебив своего конунга:

— Я приучу левую руку к мечу. Ответь мне, кого я должен бояться, конунг.

Рюрик замолчал в некотором недоумении. Воспитанник не только перебил его, что в общем-то можно было простить юности. Сигурд задал вопрос без соизволения старшего, что было не просто ново, но и непозволительно. Но Рюрик сдержался, хотя следовало обрушить гнев.

— Никого не надо бояться, забудь это слово. Надо опасаться.

— Кого?

— Всех. — Рюрик помолчал, но Сигурд ни о чем не спрашивал. — Мы — варяги, у нас нет земли, а значит, нет и опоры. Даже у русов есть земля, но они не ласкают ее, и она когда-нибудь их отринет. Но мы всегда чужие для всех племен и всех народов, потому что мы отрекаемся от собственного племени по зову Великого Одина. Поэтому никогда не доверяй людям, у которых есть земля и племя.

— Земля и племя — это родина?

— Да. У нас ее нет. Мы стоим на собственной силе, опираясь только на мечи. Но сила без хитрости слепа, Сигурд. А мать хитрости — недоверие.

— Если нет земли и племени, значит, мы исчезнем без следа.

— Да, мы исчезаем с дымом костров в чужой стране, без рыданий женщин и скорби рода своего. Но кто, скажи мне, какой славянин или чуждин, финн или германец может стать повелителем не по рождению своему? Никто и мечтать об этом не смеет, все прикованы к своей сохе, и только мы, варяги, становимся князьями, королями, властителями, опираясь о собственный меч. Помни об этом, Сигурд, и выделяй своих сыновей нашими именами. Не клянись, лишь обещай мне это.

— Обещаю, конунг.

— Мы должны отличаться от всех, искать своих и узнавать их. Только на своих можно опираться в этой стране. Запомни это и всегда назначай управителей из варягов. У них нет ни рода, ни племени, и они вечно будут тебе верны.

— Я исполню твою волю, конунг.

— Ты скоро окрепнешь. Я знаю много отваров и снадобий, которые могут излечить, а могут и убить. Я научу тебя всему, что знаю сам, а ты все передашь моему сыну и твоему повелителю Игорю. И никому больше, это великие и тайные знания.

— Я дал клятву, конунг.

— Печень уже пустила кровь. Я сам накормлю тебя, Сигурд.

Рюрик тяжело поднялся, с трудом распрямил

спину и пошел к столу. Князь был доволен сегодняшним Днем: он отпечатал в памяти Сигурда его долг, а затем отпечатает и знания. Сигурд передаст их Игорю слово в слово, и Игорь будет надежно защищен тайным оружием Старого финна.

2

Пальцы правой руки не сгибались, не охватывали рукояти меча, как Сигурд ни старался. Но боли не было, он креп день ото дня и вскоре начал приучать к мечу левую руку. Он и раньше пробовал ее, но ловкости, точности и быстроты правой она не знала, и Сигурд занимался упорно и подолгу. А повязанный ему самим Рюриком боевой меч конунга носил отныне на правом боку.

Длинными вечерами Рюрик вел с воспитанником длинные беседы. Он не только объяснял ему, какие травы и корни и когда именно следует собирать, но и учил, как готовить отвары, настои, мази и как ими пользоваться. Быстро покончив с лечебными травами, особенно обстоятельно рассказал о ядах и отравках, и они извели не одну дюжину собак, испытывая эти отравы.

— Все это ты передашь моему сыну и своему повелителю Игорю, когда он научится понимать.

Странно, Рюрик испытывал наслаждение от

этих долгих бесед. Правда, само понятие наслаждения плохо вязалось с его представлениями, как не вязались с ними любовь или радость, но старый конунг начал тянуть с отъездом Сигурда, хотя тот достаточно окреп. По всем причинам следовало поторопиться с перевозом Игоря под защиту Олеговых мечей, а он никак не мог на это решиться, продолжая развивать левую руку Сигурда по утрам и до глубокой ночи обучая его страшному ремеслу Старого финна. И не просто обучая, но и рассказывая о разного рода хитростях и приемах как в лечении ран и болезней, так и в применении медленных и мгновенных ядов. И все время напоминал, что все эти тайны — для Игоря, ловил себя на том, что обучает-то он не сына, которого видел один раз, а приемыша, выросшего на его глазах и искалеченного им. И тянул, тянул, пока начальник стражи не доложил:

— Разъезды новгородцев стали слишком частыми, конунг.

— Тайно пошли людей поднять дружину.

Рюрик помолчал. Известие о разъездах осложняло его планы. — весь месяц шли снега, замело не только тропы, но и дороги, и дружина уже не могла пробиться к тайному зимовью, где он прятал Игоря. Послать малый отряд? Но его могут перехватить... Охоту не перехватят, охота — обычное дело. И сказал:

— Завтра к рассвету готовь большую охоту. С собаками. Вместо ловчих отрядишь лучших воинов, пусть спрячут в саях оружие. Поведет Сигурд. Ступай, это все. Обожди!

Разговор шел в сенях, говорили приглушенно, вокруг дома стояли надежные люди, но Рюрик все же вышел первым, резко распахнув дверь. Никто не подслушивал, стражники стояли далеко. Пропустив начальника стражи, Рюрик плотно прикрыл дверь, вернулся в избу. Сигурд разбирал сушеные коренья, старательно повторяя названия. Рюрик подошел, крепко обнял, но тут же смутился, нахмурился, сел в кресло.

— Завтра поведешь людей на охоту в заволховские леса. У Черного камня — на нем мой знак, не спутаешь — сделай стоянку, три дня пируй. Когда уверишься, что новгородцы за тобой не следят, сверни к Ловати. Иди быстро и скрытно, собак вели переколоть. На Ловати — зимовье берсерков. Старший проводит тебя к Игорю. Возьмешь моего сына, кормилицу, нянек и, не мешкая, пойдешь в Старую Русу. Скажешь Олегу, чтобы надежно укрыл Игоря и приехал ко мне с крепкой охраной. Ты понял, как должен вести отряд?

— Я найду моего повелителя Игоря и доставлю его конунгу Олегу.

— Или умрешь, прикрывая моего сына.

— Или умру, прикрывая твоего сына, — повторил Сигурд.

Сигурд в точности исполнил повеление своего конунга. Три дня шумно пировал в лесу, выслав на все направления ловких и надежных разведчиков. Убедившись, что новгородцы за ними не следят, велел заколоть собак и тихо ушел к Ловати, а обильный снегопад прикрыл его следы. Разыскал становище берсерков, получил проводника и через неделю по выходе на веселую охоту достиг зимовья, где под охраной из старшей дружины Рюрика в многочисленном женском окружении жил его маленький повелитель. Ребенок был хил, капризен, большеголов и лобаст. Маленькие глазки смотрели зло и настороженно. «Звереныш», — подумал Сигурд, испугался собственных мыслей и почтительно поцеловал княжича в плечико.

— Ты погляди на нас, погляди, — ласково лучась улыбками, тараторила мамка-кормилица. — Уж и хорош, и пригож, и нрава княжеского!

— Готовь княжича в дальнюю дорогу. — Сигурду не понравилась словоохотливая мамка-славянка. — Берегись, коли простудишь.

И этот кусок пути прошел благополучно — и новгородские заставы миновали, и княжич не заболел. Вырвались из Земли Господина Великого Новгорода, а русы были своими, и Сигурд вздохнул с облегчением.

На подъезде к Старой Русе их встречал почетный отряд Олеговой дружины. Начальник отряда передал, что Олег ждет Сигурда немедленно и хочет посмотреть на княжича. Однако Сигурд сначала лично разместил своего младенца-повелителя в отведенных хоромах; расставил усиленную стражу из варягов и русов и только после этого прошел к конунгу.

В отличие от отца Ольбарда Синеуса Олег не красил оставшийся на гладко выбритой голове клочок волос; темно-русый чуб свисал на правое ухо, в котором поблескивала украшенная драгоценными камнями золотая серьга. Он встал навстречу гостю и сердечно обнял его: как-никак, а именно он учил Сигурда охоте, привив ему свою страсть убивать медведя в одиночку.

— Как доехал? И почему кружным путем?

— Дозволь сначала передать повеление князя Рюрика, конунг. Он просил спрятать его сына в надежном месте под надежной охраной, после чего прибыть к нему с крепкой стражей.

— Рюрику угрожает опасность?

— Князь Рюрик презирает опасности. Новгородцы угрожают его сыну и наследнику Игорю.

— Я исполню его просьбу, но по обычаям русов через три дня. — Олег сам проводил Сигурда на почетное место. — Что с твоей рукой?

Покалечил медведь на последней охоте?

— Нет. — Сигурду не хотелось рассказывать. — Новгородцы отказались принести роту сыну князя Рюрика Игорю.

— Знаю, — усмехнулся Олег. — И меня не удивил твой приезд. Рюрик поступил мудро, и я все исполню.

Вошел отрок и почтительно доложил, что мамка-кормилица принесла ребенка. Олег кивнул, и в палату торжественно вплыла дородная славянка с младенцем на руках. Поклонилась у порога, важно прошествовала к конунгу.

— Дозволь показать тебе светлое личико, княже. Почтительно согнув полный стан, она поднесла Игоря к Олегу. Мальчик настороженно и недобро смотрел на конунга, а когда Олег протянул руку, чтобы погладить его, внезапно дернулся, сильно укусив за палец.

— Унеси его, — сухо сказал Олег. — Светлое личико...

— Лисенок, — улыбнулся Сигурд, когда мамка-кормилица унесла наследника Рюрика.

— Змееныш, — угрюмо поправил конунг. — Видал, как он зубы вперед выбросил? Кажется, ты привез мне змею, Сигурд.

Конунг русов долго не отпускал Сигурда. Пил густое фряжское вино, щедро угощал гостя, у которого слипались глаза от долгой и трудной дороги. И — слово за слово, намек за намеком — вытянул из него то, что хотел.

— Дорого тебе обошлась клятва, — сокрушенно вздохнул он.

— Я приучаю левую руку к мечу.

— Я найду тебе терпеливого учителя, — конунг улыбнулся. — А для правой мои оружейники откуют тебе меч с особой рукоятью.

— У меня не сгибаются пальцы, — Сигурд показал. — Нет такой рукояти, чтобы я удержал меч в сече.

Олег долго, внимательно ощупывал сгоревшую ладонь. Ощупывал каждое сухожилие, сгибал омертвевшие пальцы. Было очень больно, но Сигурд терпел.

— То, что я делаю, тебе будут делать каждый день. И ты будешь терпеть, как терпишь сейчас. Мы вернем тебе десницу, но ты не скажешь об этом Рюрику.

— Он не только мой конунг, но и мой приемный отец.

— Твой князь и повелитель — змееныш, которого ты привез. А твой конунг — я. Ты умеешь

читать руны?

— Нет. Я знаю глаголицу.

Олег поднялся, принес ларец, открыл его своим ключом. Там хранились свитки, а сверху лежала свернутая в трубку береста. На шнуре, стягивающем ее, висела свинцовая печать.

— Узнаешь знак на печати?

— Это знак князя Рюрика.

— Я получил его послание, когда ты еще был в пути. — Олег развернул свиток на бересте были глубоко процарапаны рунические знаки. — Здесь сказано, что ты должен безотлучно находиться при княжиче Игоре и безоговорочно подчиняться мне.

— Я повинуюсь, конунг.

— Наши отцы когда-то правили Новгородской Землей под рукой Рюрика. Ты не простой воин и даже не боярин. Ты — второй человек после меня.

— Но я отвечаю за княжича Игора.

— Мы доставим его в тайное место и вернемся вместе в Старую Русу. Это улажено с Рюриком.

— Но я нужен княжичу...

— Ты нужен мне! — повелительно перебил Олег. — Мне нужна твоя десница, твоя отвага, твоя верность и твоя клятва Рюрику.

— Но конунг...

— Мы пойдем на Киев, как только вскрыются

реки. Там, в Киеве, будет отныне стол великого князя Игоря, только так ты исполнишь волю Рюрика. — Олег захлопнул ларец, отнес его на место. — Ты помнишь клятву? Повтори.

Сигурд медленно повторил клятву, тщательно выговаривая каждое слово. Олег внимательно выслушал ее, долго молчал и неожиданно усмехнулся:

— Рюрик тоже испытывал боль, когда принимал твою роту. Может быть, даже большую боль, чем досталась тебе. Он спешил. Очень спешил, иначе не допустил бы ошибки. У тебя обязательно должны быть внуки, Сигурд. Обязательно. Только они могут разрубить наши узлы.

— Я не понял твоей речи, конунг.

— Пора отдохнуть. Завтра — пиры и бои. А потом я найду тебе знахаря для твоей десницы. Эй, гридни! ⁵ Проводить моего названного брата в опочивальню!

4

На следующий день начались празднества в честь приезда высоких гостей, и тут Сигурд был бессилен: русы чрезвычайно любили веселиться по

---

⁵ В Древней Руси княжеские дружинники, телохранители.

любому поводу, будь то свадьба или тризна. Хоромы конунга Олега строили славяне по своему образцу: срубовые, трехклетевые, с верхними открытыми сенями. Оттуда был счищен снег, настил уложены ковры, и полотнища их свешивались через перила на площадь. Центральная часть была предназначена для конунга, его гостей, бояр и приближенных; женщины с княжичем Игорем и мамкой-кормилицей располагались в левом крыле. Перед гостями стояли накрытые столы с яствами на серебряных и золоченых блюдах, было много заморских вин, славянских медов и особо выдержанного пива. Сигурд вырос в аскетической обстановке варяжской дружины — Рюрик не любил пиршеств и жил весьма скромно — и варварская пышность застоля его смущала. Но Олег был предупредителен и заботлив, гридни — молчаливы и услужливы, знатные русы обращались к гостю с подчеркнутым уважением. Он сидел одесную конунга, на самом почетном месте, но обратил внимание, что кресло ошуюю Олега оставалось пустым и никто на него не претендовал. «Да, у него же — приемыш, — вспомнил он. — Неужто мальчишку за стол бражничать посадят?...»

Когда все расселись, а гридни наполнили кубки, на площадь вышли воины, встав по четырем сторонам так, что очищенная от снега площадка

оказалась в центре. Олег с кубком в руке поднялся с кресла.

— Отважные воины, ваш конунг приветствует вас! — громко сказал он. — Первый кубок я пью за нашего гостя, великого воина и моего названного брата Сигурда! — Он залпом выпил вино и, размахнувшись, бросил тяжелый кубок в центр площади. — Вот награда первому победителю!

— Мне очень лестно, но я питал надежду, что первый кубок ты поднимешь за здравие княжича Игоря, конунг, — тихо заметил Сигурд.

— Чтобы все знали, что единственный сын Рюрика в Старой Русе? — Олег усмехнулся. — Честь — по месту и времени: здесь много новгородцев.

— Прости, конунг, я не подумал.

— Смотри, они пошли! — радостно воскликнул Олег.

Из-за спин воинов с разных сторон площади вышли два отрока в глухих шлемах, скрывавших лица, в одинаковых кольчугах, с учебными мечами. Тот, что появился с левой стороны, был тонок и строен, а шлем его украшали перья, окрашенные в синий цвет — цвет Дома Олега.

— Твой приемщик, конунг? — сообразил Сигурд, припомнив мимолетную встречу на охоте.

— Я сам учил его бою, — с каким-то торжествующим удовольствием промолвил

Олег. — Если победит — получит кубок, если проиграет — уйдет на женскую половину.

Воины стали размеренно бить мечами по щитам, и под этот тяжелый равномерный звон противники начали медленно сближаться. Сигурд внимательно наблюдал за ними, отметив про себя, что соперник приемыша конунга выше, плотнее, шире в плечах и явно сильнее. «Пировать пареньку на женской половине...» Он едва подумал об этом, как правый сделал стремительный выпад, но Сигурд подивился не выпадом, а ловкости, с которой ученик Олега отпрыгнул в сторону, сразу оказавшись за спиной нападающего. Тому пришлось спешно разворачиваться, вновь готовиться к атаке, а гибкий паренек крутился перед ним, и синие перья задорно подрагивали на его шлеме.

— Ловок, — отметил он, когда паренек с легкостью ушел и от следующего выпада.

Олег самодовольно хмыкнул, продолжая наблюдать за боем, и Сигурд поразился теплой нежности его глаз. Он не привык к этому: Рюрик был суров и сдержан и, как вдруг подумалось Сигурду, вряд ли вообще когда-нибудь испытывал нежность. А бой тем временем продолжался, широкоплечий отрок атаковал беспрестанно, но всякий раз его меч находил пустоту. Тяжко грохотали мечи воинов, бивших в щиты.

Наконец атакующий сообразил, что гибкий

соперник намного превосходит его в ловкости, и попытался изменить навязанный ему бой. Неожиданно он прибег к ложному выпаду, задержав меч на замахе, и тотчас же паренек нырнул под зависший меч, нанеся удар по кольчуге и сразу отпрянув в сторону. Пожилой боярин, судивший поединок, поднял руку, смолк звон щитов, и противники прекратили бой.

— Наполнить кубки, — приказал Олег. — За первый удар!

— Сколько их нужно для победы? — спросил Сигурд.

— Три или выбить оружие. Но сейчас смотри внимательно, — Олег улыбнулся. — Я много потратил времени на один прием.

По его сигналу бой начался снова, и более крупный соперник пошел в отчаянную атаку, стремясь отыграть пропущенный удар. Воспитанник Олега легко ушел от двух выпадов, а во время третьего только отклонился и неожиданно с силой ударил противника снизу вверх по рукояти меча. Раздался звон, блеснули искры, и меч соперника, вырвавшись из его руки, отлетел в сторону.

— Победа! — вскочив, торжествующе крикнул Олег. — Слава великому Перуну!

— Слава! Слава! Слава! — потрясая мечами, трижды прокричали воины.

Победитель поднял брошенный конунгом золотой кубок, взошел на сени и молча протянул приз Олегу. Конунг лично наполнил его вином.

— Тебе пить не полагается, — произнес он. — Пожалуй нашего гостя своим вином.

Победитель поставил полный кубок на стол, расстегнул застежку шлема, двумя руками снял его, и волна длинных светло-русых волос обрушилась на кольчугу.

— Моя воспитанница Неждана, дочь великого новгородского витязя Вадима Храброго, — с официальной торжественностью объявил конунг. — Пожалуй нашего гостя, Неждана.

Неждана бережно подняла кубок. Сигурд смотрел на нее в полном онемении: столь неожиданным было мгновенное превращение ловкого и смелого турнирного бойца в статную красивую девушку.

— Его зовут Сигурд. Он — воспитанник князя Рюрика и сын Трувора Белоголового.

Руки Нежданы вдруг задрожали, и густое красное вино выплеснулось на скатерть.

5

Синие глаза не обладают способностью наливаясь гневом, но умеют превращаться в лед. Неждана все же протянула кубок, но Сигурд не

видел его: он смотрел в две ослепительно синие льдинки, окруженные длинными густыми ресницами, и руки его еле нащупали кубок.

— Твое здоровье, — провозгласил он, Неждана молча поклонилась и торопливо сказала конунгу:

— Разреши мне надеть женский наряд и уйти на женскую половину.

— Твое место здесь.

— Позволь мне уйти, конунг. Я устала.

— Отдохни, — молвил Олег. — Тебе придется лечить нашего гостя, как только мы вернемся из поездки. Вспомни все свое искусство, его рука нужна мне. И тебе.

Неждана еще раз молча поклонилась, вышла, и Сигурд не видел ее за все три дня праздника, застолья и турниров. А видеть хотел, так хотел, как никого и никогда до этого. И на третий день спросил:

— Ты запретил появляться своей воспитаннице, конунг?

— Она будет врачевать твою руку и сейчас готовит мази и снадобья.

— Кажется, ей не по душе это занятие.

— Рюрик убил ее отца Вадима Храброго мечом твоего отца Трувора Белоголового. Ты знаешь об их поединке?

— Князь Рюрик не любит вспоминать. Но то

был честный поединок.

— Неждана уговорит свою душу, — заверил Олег. — Смотри, сейчас будет добрая сеча. — Он встал, поднял кубок. — Один против двоих до первого удара мечом, воины! Победитель будет сидеть ошую меня!

Воин, в одиночку вышедший против двоих, был в глухом шлеме, на шишаке которого веяли такие же синие перья, как и на шлеме Нежданы. Схватка была стремительной и настолько захватывающей, что зрители на сеньях повскакали с мест, а воины на площади взрывались ревом при каждом удачном выпаде. Воин с перьями был высок и широкоплеч, но легок и проворен. Он довольно быстро выбил меч у одного из противников, применив тот же прием, что и Неждана, но со вторым — приземистым, кражистым и, видимо, очень сильным и опытным — ему пришлось повозиться. В конце концов он поймал его на выпаде, с неожиданным проворством нырнув под меч соперника. Восторженно закричали воины, оглушительно звеня мечами по щитам. Победитель вежливо помог противнику подняться, обнял его и с неторопливым достоинством направился к Олегу.

— Твое место — ошую меня, — торжественно сказал Олег, встав и лично наполнив кубок вином. — Выпей во здравие нашего гостя,

Перемысл!

Перемысл снял шлем. Волосы его были подстрижены по-славянски, в кружок, да и поздоровался он по-славянски:

— Будь здоров, высокий гость! — Неторопливо выпил кубок, поклонился. — Дозволь снять доспех, конунг.

— Сними и приходи. Вот твое место. — Олег указал на кресло левее себя.

Перемысл еще раз поклонился и вышел.

— Он новгородец? — с неприязнью спросил Сигурд.

— Он — мой воевода. Пятнадцати лет от роду он спас свою сестру, мать Нежданы, и привез ее к моему отцу. Ему я поручу княжича Игоря.

— Славянину доверить наследника Рюрика? Это невозможно, конунг.

— Самый надежный страж — враг твоего врага. Он воспитает змееныша воином.

— Здесь повелеваешь ты, конунг Олег, но все же...

— Ты подчинишь ему своих варягов.

— Конунг, я дал высокую клятву охранять княжича Игоря.

— И собираешься торчать в том месте, где я спрячу змееныша? Да тебя знает в лицо каждый житель Новгорода! Надо не только уметь убивать медведя одним ударом, но и уметь думать, Сигурд.

— Конунг, я чту твою волю, но согласиться...

— Здесь повелеваю я! — властно оборвал Олег. — Завтра мы вместе проводим княжича на мой тайный стан. Будешь везти его сам, сани туда не пройдут. Вместе расставим охрану и вместе вернемся. Пей, Сигурд, мы кончили этот разговор.

На другой день они выехали большим обозом. Сигурд, помня слова Олега, что сани не пройдут к тайному стану, удивился, но промолчал. Общительный и веселый Олег умел повелевать, не тратя слов, и Сигурд ощущал на себе его суровую волю. В санях ехала многочисленная женская челядь во главе с мамкой-кормилицей, их окружали варяги Сигурда, а дружинники воеводы Перемысла располагались впереди и сзади и вели дозорную службу по сторонам. Обоз долго петлял по глухим лесным дорогам, порою каким-то чудом пробираясь вообще без дорог, пока не достиг укромной поляны, где стояла приземистая изба, окруженная полудюжиной землянок, засыпанных снегом выше крыш. Из землянок вылезли воины, а из избы — их начальник в шубе поверх кольчужного доспеха. Он низко поклонился Олегу.

— Никого не заметили? Ни кривичей, ни новгородцев?

— Никого, конунг. Воины следят днем и ночью, как ты повелел.

— Однако нас никто не окликнул.

— Я знал о твоём появлении, как только разьезды Перемысла свернули в землю кривичей, конунг. Воинам приказано следить тайно.

— Спрячешь сани. Дальше мы поедem верхами.

— Будет исполнено, конунг.

Дальнейший и очень тяжелый путь Сигурд сделал, взяв младенца в свое седло. Это был путь через нескончаемые болота, не замерзающие даже в лютые морозы, а лишь подернутые тонким обманчивым льдом. Не доверяя никому, Олег сам вел их через трясины, руководствуясь лишь ему одному ведомыми знаками. Шли безостановочно от вечерних до утренних сумерек, белесых от слабого света полной луны. А пришли на сухой высокий остров, заросший ядреными красными соснами, за которыми скрывался поселок. Женщинам во главе с мамкой-кормилицей отвели крепкий просторный дом, обнесенный высоким сплошным частоколом с узкими воротами и опускающейся железной решеткой.

— Сюда ведет единственная тропа, которую, кроме меня и Перемысла, знают три человека. Они доставляют еду и мои повеления в полнолуния, потому что повороты в трясине можно угадать, только сообразуясь с луной. Сюда никто не может прорваться, ты в этом убедился. Кроме того, здесь будут Перемысл со своей дружиной и твои варяги,

которым придется остаться здесь навсегда.

Все это Олег сказал Сигурду, когда женщины и княжич были размещены, остров обследован, а стража расставлена. Больше в низкой и душной землянке никого не было: Перемысл сторожил у входа.

— Это — люди князя Рюрика, конунг, — запротестовал Сигурд. — Они преданы ему...

— Вот поэтому они никогда и не покинут остров. — Олег вдруг добродушно улыбнулся. — И ты тоже поделил бы их участь, если бы я не нуждался в тебе.

В широкой улыбке конунга русов было столько уверенной беспощадности, что Сигурд угнетенно замолчал. Молчал и Олег, и они некоторое время ели молча, хотя Сигурду кусок не лез в горло. Потом Олег сказал:

— Власть — это разумная жестокость, от нее сейчас зависит безопасность змееныша. Учись властвовать, Сигурд. И доверься Неждане, она спасет твою десницу.

— Неждана, — тихо повторил Сигурд, вслушиваясь в нежное имя. — Почему ее так странно назвали, конунг?

— Ее мать не знала, что зачала ребенка, провожая Вадима Храброго в последний бой. Девочка родилась нежданно-негаданно, и я уверен, что в нее вселился великий дух ее отца.

— А ее мать? Где она?

— Ее мать? — Конунг вздохнул, горестно покачав головой, и русский чуб вздрогнул на бритом черепе. — Пять лет назад... Да, пять, Неждане тогда было десять, и я впервые стал приучать ее к мечу. Ее мать Забава отпросилась в Новгород, уж очень ей хотелось повидать родню. Мы переодели ее в русинку, она знала наш язык, но люди Рюрика все же выследили ее. Но она не призналась, что у нее есть дочь, даже под пытками.

— Конунг, ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что Рюрик жесток неразумно. Потому-то новгородцы и швырнули к его ногам ржавый обломок его собственного меча.

— Прости, конунг, если обижу, но у меня такое чувство, что ты никому не доверяешь.

— Тут ты спутал меня с Рюриком, — буркнул Олег.

— Но ты воюешь даже с рогами, со своими же братьями — русами, говорящими на том же языке, почитающими тех же богов.

— А новгородцы воюют с кривичами, хотя тоже говорят на одном языке. Роги убили моего деда, отца Ольбарда Синеуса, и попытались захватить наши земли. У нас — родовые конунги, ты знаешь, но конунги рогов добавляют к своему имени «Рог», а мы — «Ол». Ольбард, Олег... Если у меня будет сын, я назову его Ольгардом, а если

дочь — Ольгой: таков родовой обычай. А кровная месть смывается только кровью, почему я куда больше доверяю славянам, в отличие от Рюрика. — Олег встал. — Однако пора почивать, Сигурд. Мы выедем перед рассветом, пока еще с топей видна луна.

Глава третья

1

И опять Рюрик спускался по осклизлым ступеням в пыточную подклеть навстречу смраду факелов, раскаленного железа, человеческой плоти и нечеловеческим воплям. И, едва ощутив под ногами скользкий загаженный пол, увидел полураздетое женское тело, распятое на засаленных канатах, очаг, в котором калилось пыточное железо, и кривоногого, неправдоподобно широкоплечего приземистого Клеста, прозванного так за непомерно длинную нижнюю челюсть и отвратительный неправильный прикус. Он возбуждался до неистовства, до исступления во время палаческой своей работы, особенно если случалось пытаться женщин.

— Ты — Забава? Забава? Забава? Знаю, знаю! Забава, вдова Вадима Храброго! Чего вопишь? Ты говори мне, говори, а то еще прижгу!

— Молчит?

— Воет, а ни одного слова, княже. Уж чем только не пытал! И батогами, и плетью, и железом. Семеро признали в ней Забавушку вдову Вадима Храброго, а я бьюсь, бьюсь. Может, язык откусила?

— Если откусит, тебе на канатах висеть.

— Не греться тебе у костров Вальхаллы,

конунг Рюрик, — вдруг страшно прохрипела женщина. — Вечно бродить тебе в холоде и мраке. Устами моими говорит твой бог Один.

Забава говорила на древнегерманском, на языке русов, и Рюрик понял каждое ее слово. А Клест не понял и торжествующе засмеялся:

— Заговорила, заговорила!

— Она должна говорить по-славянски! — не выдержав, закричал Рюрик. — По-славянски, ты слышишь, палач?

— У-ууу! — зарычал Клест.

Рванулся к распятой женщине, схватил обнаженную грудь, рванул сосок зубами, замычал, затряс головой. Дико кричала женщина, билась на канатной растяжке, кровь текла по телу, а Клест, рыча, яростно грыз ее сосцы...

...Рюрик проснулся и сразу сел, и боль в спине ощущалась сейчас куда меньше тягостной боли в сердце. В четвертый раз он видел этот сон, в четвертый раз слышал слова на древнегерманском, в четвертый раз просыпался в поту и ужасе. Клест загрыз ее тогда, загрыз собственными зубами с чудовищным прикусом, но Рюрик всегда просыпался раньше ее смерти. Хотя тогда, пять лет назад, не ушел из пыточной до ее последних судорог, все еще надеясь, что она не выдержит, сознается, что имя ее — Забава, что вдова она Вадима Храброго, что... Но ни в чем она не

призналась, и Рюрик до сей поры терялся в догадках, кого же по его повелению затерзал Клест: славянку Забаву, которую опознали семеро, или ни в чем не повинную русинку. Если это Забава, то почему она свободно говорит на языке русов? Прячется у Олега? А может быть, вторично вышла замуж за руса — она молода, красива, — родила ему детей, и дети, возмужав, спросят с него, где их мать. Нет, не с него — с него уже поздно спрашивать. Спросят с его единственного сына Игоря. А он отправил его под охрану Олеговых мечей.

Убить палача: он знает слишком много. Но как разговаривать с Олегом? Что ему передал отец Ольбард Синеус? Что Олег знает? Кто такая замученная Клестом женщина: русинка, неизвестная славянка или и вправду — Забава? Нет, таких мучений не выдержала бы никакая женщина, и, значит, это не вдова Вадима Храброго. И почему он, Рюрик, выкинул ее из памяти пять лет назад, а стал постоянно думать о ней только после того, как отправил верного Сигурда — в верности его Рюрик не сомневался: слишком высокой была клятва — вместе с единственным сыном к Олегу? А если та женщина все же была Забавой, если Олег знает о ее гибели в пыточной клетке? Нет, Клеста, пожалуй, убивать преждевременно, Клест еще может пригодиться при разговоре с Олегом. Пусть Клест

развяжет этот узел...

Правда, Олег приедет с крепкой охраной: ведь Рюрик думал передать ему золото для того, чтобы нанять большие силы и уйти подальше от Господина Великого Новгорода. Сокрушить Аскольда, посадить Игоря на княжий стол в Киеве — осенью они обсуждали этот поход. Тогда его сыну ничего не угрожало, и Рюрик хотел разгромом Аскольда укрепить могущество Новгорода, а значит, и могущество собственного княжения. Но обломок ржавого меча, брошенный к его ногам... Он постарел, он уже не держит в руках все нити, он сам, собственной волей отдал своего сына в заложники конунгу русов. А уж коли так случилось, то Клесту умирать рано. Воинов Олега в зимовье не пропустят: никто не имеет права приближаться к усадьбе без повеления Рюрика. Стража русов остановится, их конунг с отроками прибудет к нему, а стражу надо будет тайно окружить надежными людьми. Окружить и отрезать. А с Олегом говорить и говорить... Нет, заставлять его говорить. Русы болтливы, любят застолье — так пусть стол ломится от яств и вина. А Клеста оставить в сенях: он и даст ответ на главный вопрос...

В голове Рюрика путались мысли: четвертый сон путал их. Нельзя было отсылать Игоря к Олегу, нельзя было позволять палачу затерзать ту

женщину до смерти. Он стал делать ошибки, громоздить их друг на друга, а когда ошибок много, они начинают множиться сами по себе, они угнетают, давят, притупляют хитрость, которую он любовно оттачивал всю жизнь. Он отдал русам в заложники собственного и единственного сына, смысл всех побед и поражений, боль всех увечий и ран. Где же выход?

Тусклый рассвет с трудом пробивался в оконце. Рюрик бесцельно бродил по остывающей избе, на каждом шагу ощущая острую боль в пояснице. Боль мешала думать, мешала найти единственный правильный выход из той сети просчетов, куда он загнал самого себя. Пустое дело выпутываться из сетей: их надо рвать. Но не было сил, была только боль. Боль в спине и путаница мыслей.

Он заставил себя одеться потеплее, приказал отроку разжечь очаг и поставить подле него кресло. А когда затрещали поленья и повеяло первым теплом, велел отроку уйти, налил полный кубок волшебного напитка берсерков и медленно выпил его до дна. Сел в кресло, укутал ноющие колени медвежьей полстью и стал смотреть в огонь. Он ждал забвения, твердо веря, что вослед наступит краткий миг ясности и прозрения и он сразу же разорвет все путы, исправит все ошибки и отринет все сомнения.

Сигурд жил в отведенной ему половине, окруженный гридями, общим поклонением и почетом, соизмеримым с тем, который оказывали только конунгу Олегу — наследственному владыке русов. Охрана опускала мечи к его ногам, гридни кланялись в пояс, знатные русы первыми приветствовали его, но Сигурд никак не мог отделаться от ощущения, что он — пленник. Ему предлагали заморские яства и фряжские вина, предлагали наложниц, охоту, прогулки на конях из конюшен конунга, но оставляли его наедине с самим собой только в опочивальне, за дверью которой — он знал это — стража ни на мгновение не смыкала век.

А Олега не было. Сигурд несколько раз требовал свидания с ним, но всегда получал один и тот же ответ:

— Конунг призовет тебя, когда придет время.

На пятый день к вечеру — гриди уже зажгли светильники — Олег пришел сам. Выглядел усталым и озабоченным, спросил о здоровье и о руке, угрюмо молчал, пока гридни накрывали стол.

— Значит, Рюрик требовал, чтобы я прибыл к нему не с дружиной, а лишь с крепкой охраной?

— Твоя дружина должна охранять княжича, конунг.

— Значит ли это, что змееныш для него — главная забота и главная надежда? — Олег не ждал ответа: он размышлял вслух. — Ради нее он велел спрятать Игоря и искалечил тебя. Залог велик, и князь Рюрик многим рискует. Еще раз повтори мне свою клятву. Слово в слово.

— Я уже дважды...

— Я сказал, повтори. — Олег чуть повисил голос и прикрыл глаза.

Сигурд медленно повторил клятву, тщательно произнося каждое слово. Олег кивал, повторяя ее про себя, и русский оселедец^бподрагивал на бритой голове.

— Да, тебе надо жить, сыграть свадьбу и иметь внуков, — сказал он, когда Сигурд закончил. — Если у Рюрика надежда — змееныш, то у меня — ты.

— Что ты задумал, конунг? — тихо спросил Сигурд. — Позволь напомнить тебе, что я поклялся защищать княжича Игоря.

— Мы вместе будем его защищать, и с ним ничего не случится, пока мы живы и пока... и пока у тебя нет внуков. Я исполню повеление князя Рюрика и приду к нему со стражей, а не с дружиной.

---

^б Длинный чуб, оставляемый на темени выбритой головы.

— Ты собирал отряд, конунг?

— Русу собраться, что славянину подпоясаться, — усмехнулся Олег, пригубив кубок. — Знаешь, что говорил мой отец Ольбард Синеус? Он говорил: прежде чем сделать шаг из дома, посмотри, в какую сторону направился твой сосед. И эти дни я очень внимательно смотрел за Рюриком. Он уже понял, что попал в силки, но еще не утратил надежду разорвать их.

Сигурд слушал с нарастающей тревогой. Он искренне любил Рюрика — даже не любил: боготворил! — но его готовили в воеводы, а не в княжки думцы, и хитрить он не умел.

— Ты хочешь помешать ему порвать силки, конунг?

— А зачем ему свобода? — вопросом на вопрос ответил Олег. — Прошлой осенью мы обсуждали с ним поход на юг, чтобы разгромить Аскольда и привезти его в цепях на Вечевую площадь Новгорода. Это была бы плата Господину Великому Новгороду за то золото, которое он даст на лодьи, гребцов и воев. Но теперь нет надежды на это золото, и из Киева мы не вернемся. Новгородцы долго считали выгоды — купцы всегда заранее прикидывают барыши. Но здесь они просчитались.

— Мы не вернемся в Новгород? — ошеломленно спросил Сигурд.

— Если возьмем Киев. Ты бывал в нем? Киев

стоит много дороже этого похода.

— Киев никогда не признает тебя князем! — запальчиво воскликнул Сигурд. — Какой им смысл менять одного руса на другого?

— Они признают змееныша, — жестко улыбнулся Олег. — Еще до Аскольда киевляне принесли роту Рюрику, и я их заставлю повторить эту роту его сыну.

— И, сделав это, вернешься в Старую Русу?

— Это было бы ошибкой. — Олег продолжал улыбаться. — Игорь мал, а пока он вырастет, много воды утечет в Днепре.

— Понимаю, — тихо сказал Сигурд. — У тебя может родиться сын, а у Игоря — оступиться лошадь на полном скаку. Я не смею разгадывать твоих мыслей, я обязан слышать только то, что ты говоришь. Но тебе придется сначала убить меня, конунг Олег.

— Я поведу дружины и рать на Киев, и мне нужна моя десница. Если бы не это, я поклялся бы тебе так, как ты поклялся Рюрику. Но я — конунг, и мое слово нисколько не меньше твоего увечья. Я даю это слово тебе: пока я жив, со шкуры змееныша не спадет ни одна чешуя.

— Этой клятвой ты спасаешь мою честь и мою жизнь, конунг. Моя преданность будет столь же велика, сколь велика твоя клятва.

— Кроме преданности мне нужно твое

согласие. — Олег наполнил кубки густым фряжским вином. — Я знаю, ты не очень жалуешь вино, но в вине — веселье русов. Мы, как и вы, скандинавы, клянемся, вонзая меч в землю, в отличие от славян, которые кладут его перед собой. Я не требую клятвы, я хочу получить обещание, а для этого по нашим обычаям достаточно поменяться кубками и осушить их до дна. — Олег протянул кубок Сигурду. — Ты готов к обещанию?

Сигурд взял его кубок. И произнес, глядя в глаза:

— Я даже не спрашиваю, в чем оно заключается, конунг.

— Ты возьмешь в жены славянку, на которую пал мой выбор. — Олег поднял кубок. — Что ты ответишь мне, Сигурд?

Сердце Сигурда забилось стремительно и весело. Конечно, он мог ошибаться, но... Нет, он не мог ошибиться, и поэтому голос его не дрогнул:

— Я возьму в жены славянку, на которую пал твой выбор, конунг.

И выпил кубок до дна.

3

Утром пришла Неждана. Гридни загодя предупредили Сигурда, и он ожидал прихода ее, ощущая веселое биение сердца. Он первым

приветствовал воспитанницу конунга русов, отметив про себя, что статной девочке равно идет как мужское, так и женское платье, хотя в женском наряде она понравилась ему больше. Неждана сдержанно ответила на его поклон, повелительным жестом указав сопровождающим ее служанкам, где поставить бадейку, от которой шел душистый парок, где — воду, а где — мази и снадобья, после чего тем же горделивым жестом отпустила всех, и они остались одни.

— Конунг повелел оживить твою десницу, витязь. Поначалу тебе будет не очень приятно, но придется терпеть.

— Я испытал свое терпение, Неждана.

В подобном ответе Сигурду совсем необязательно было прибегать к обращению. Но ему хотелось не просто отметить, что он не забыл ее имени, но и произнести его для себя: имя ласкало слух.

— Опустит руку в воду. Я буду подливать настой. Скажи, когда станет горячо.

Сигурд закатал рукав, опустил искалеченную кисть в воду. Вода была подогрета, и он не ощутил ни жары, ни холода. Неждана начала осторожно доливать дымящийся отвар, все время поглядывая на Сигурда.

— Скажи, когда станет очень горячо. Он улыбнулся:

— Пахнет мятой, тмином, кажется, медом.

— Ты разбираешься в отварах?

— Князь Рюрик обучил меня этому.

— Ах, Рюрик. — Неждана помолчала. — Ты хорошо помнишь все заветы Рюрика, а помнишь ли ты свою мать, сестру?

— Помню. — Он вздохнул. — Они умерли, когда Рюрик повелел перевезти нас в его зимовье.

— От чего?

— Не знаю. Я был еще мальчишкой.

— От колик в животе? — Неждана спросила негромко, опустив голову. — Припомни. Резь в животе, пена на губах, расширенные зрачки. Да?

Сигурд молчал. Лицо его стало суровым, резкие морщинки обозначились у крепко сомкнутого рта.

— Не помню.

Неждана выдернула из пучка сушеных трав четырехлепестковый цветок, протянула Сигурду:

— Тебя учил великий Рюрик. Припомни, как умирает человек, выпив настой песьих вишен.

— Не помню, — угрюмо повторил Сигурд. — И не хочу вспоминать. Ты пришла лечить мою десницу? Лечи.

— Не горячо? — помолчав, тихо спросила Неждана. Он не ответил.

— Вот и славно. — Неждана закатала рукава. — Сейчас придется потерпеть, витязь.

Она опустила руки в бадью и начали растирать его ладонь сильными гибкими пальцами. Сигурд чувствовал их лишь снаружи, с тыльной стороны ладони, и ему были приятны ее прикосновения.

— Ты щекочешь меня, — он улыбнулся.

— Не торопись радоваться.

Пальцы Нежданы перебрались на его сожженную ладонь, нажимы их делались все сильнее, и он вдруг почувствовал точки, в которых ее нажимы отдавались болью.

— Не молчи, — строго произнесла она. — Скажи, если больно.

— Я — воин, Неждана.

— А я — знахарь. Мне нужно знать. Здесь больно?

— Отдает в локоть. Неприятно.

— А пальцы? — Она неожиданно принялась сгибать его пальцы. — Где ты чувствуешь боль?

— Везде, — хмуро признался он.

Закончив растирать искалеченную руку в горячем настое, Неждана велела вынуть ее из бадьи. Вытерла насухо и принялась обрабатывать мазями, время от времени решительно сгибая омертвелые пальцы. Делала она это без предупреждений, чтобы он не напрягал мышцы даже невольно, и тогда боль пронзала Сигурда до плеча: левой рукой он смахивал со лба крупные капли пота.

— Говори, — требовала она. — Ты не должен ждать, когда придет боль.

— О чем?

— О чем хочешь. — Она вновь резко согнула ему пальцы, и Сигурд не удержался от стога. — Как погиб твой отец?

— Не знаю.

— А что рассказывали люди?

— Я вырос среди варягов. Они не любят болтовни.

— И все же он погиб.

— Да. Отряд попал в засаду.

— Никто не спасся?

— Князь Рюрик говорил, что все пали в бою. Отец и тридцать шесть его дружинников.

— Князю Рюрику лучше знать. Ты согласен, витязь?

— Не надо, — тихо произнес Сигурд. — Никогда не пытайся ссорить меня с моим повелителем. Я дал ему великую клятву.

— Для того чтобы ты с честью исполнил ее, я буду приходить каждое утро. Старайся держать руку в тепле. Я сейчас уйду, слуги все уберут, а ты приляг и отдохни.

Неждана помогла ему опустить рукав, завернула ладонь в ласковый куний мех, чуть поклонилась и пошла к дверям.

— Как долго ты будешь возиться с моей

десницей, Неждана?

Она остановилась. Ясно посмотрела в глаза и неожиданно улыбнулась.

— Пока ты не убьешь своего шестого медведя, витязь!

Впервые рассмеялась, захлопнула тяжелую дверь, и Сигурд долго прислушивался к мягкому топоту ее легких сапожек.

От Сигурда Неждана направилась прямо в покои Олега. Стража пропускала ее, прикладывая в знак почтительного приветствия левую руку к ножнам мечей, но невидимые гридни спешили впереди по переходам. Она шла беспрепятственно, но Олег уже знал, что она идет к нему.

Когда Неждана вошла в покои конунга, двое оруженосцев помогали Олегу надевать на холщовую нижнюю рубаху легкую кольчугу. Кожаная короткая рубаха и вторая, боевая кольчуга лежали подле.

— Ты говорил, что едешь, как гость, а тебя снаряжают для битвы, — вздохнула она.

— Когда Рюрик просит приехать, никогда не знаешь, что тебя ждет. То ли заздравный кубок, то ли удар в спину.

— Не забудь выпить глоток перед застольем. — Неждана положила перед ним маленький сосуд черного стекла. — Я приготовила самое сильное противоядие.

— Что ты поняла из первых разговоров?

— Сигурд бесхитроsten, как ребенок, и надежен, как меч, если меч станет любимым, конунг. Он не способен мстить.

— Да, он дал клятву.

— Но я не давала никаких клятв князю Рюрику.

— Мужчина не знает, чем занимается женщина в его отсутствие. И не должен знать.

— Ты прав, конунг. Мужчины не должны знать, что делают женщины в их отсутствие. — Неждана гибко изогнулась, на миг прижалась щекой к щеке Олега. — Не забудь сделать глоток из этого сосуда перед задравной чашей Рюрика.

И стремительно вышла из покоев.

4

Сигурд прилег, когда шаги Нежданы отзвучали в переходах. Рука, укутанная ласковым мехом, согрелась, боль прошла, он вспоминал последние слова своего юного знахаря: «Пока ты не убьешь своего шестого медведя», улыбался, но что-то мешало той тихой покойной радости, которую искала его душа. Он упрямо твердил себе, что это — от боли, только-только покинувшей его, старался привычно отгородиться от чего-то непоправимо страшного и все время вспоминал о

матери. О матери и о сестре, но больше — о матери.

А ведь он никогда не думал о ней прежде. Он никогда не представлял, как она выглядела, как говорила, даже как они возвращались в Новгород, — все вытеснил Рюрик. Давно разучившийся улыбаться великий воин, конунг варягов и князь Господина Великого Новгорода. Сигурд прямо из саней был принят в мужское варяжское братство, на следующее утро переодет в богатые одежды и опоясан пока еще детским, но настоящим мечом, одарен слугами, собаками, лошадьми и как-то очень быстро и незаметно стал общим любимцем, баловнем, звонким центром суровой военной общины. Его готовили к боям, учили управляться с конями, и учили лучшие, которых выбирал Рюрик. За двое суток санного пути он не просто переехал из полуземлянки изгнанников в княжеские хоромы — он взлетел в другую жизнь, в которой как-то само собой не оказалось места для воспоминаний ни о матери, ни о сестре, Они выпали из его существования, будто из саней на крутом повороте.

Неждана впервые напомнила ему, что и у него когда-то была своя семья. Отец, мать, сестра. О гибели отца ему сказал Рюрик, но о матери никто никогда не говорил. А Неждана рассказала так, будто видела все сама. И страшные боли в животе, и рвоту, и пену на синих губах — даже странно

огромные зрачки. И он вдруг увидел свой собственный детский ужас со стороны, увидел и понял: песьи вишни. Теперь-то, обученный Рюриком, он знал, что случилось тогда, но откуда об этом узнала Неждана? Откуда?

Звон доспехов отвлек его от воспоминаний, он вскочил с ложа. Распахнулась дверь, и вошел конунг Олег в полном боевом снаряжении с мечом у пояса, но без шлема: русский чуб подрагивал на тщательно выбритой голове.

— Как первый день лечения?

— Ты ведь не доверишь мою десницу плохому знахарю, конунг.

Олег улыбнулся, и вновь Сигурд поймал в его серо-голубых глазах отблеск горделивой нежности.

— Я исполняю просьбу Рюрика: иду со стражей, а не с дружиной. Выпьем за мое возвращение, Сигурд. Если ты в нем уверен.

Он сел к столу, и тотчас же гридни внесли наполненные кубки и берестяной свиток. Олег жестом приказал им удалиться, и, пока они пятились к дверям, Сигурд занял место напротив конунга. Олег взял свиток, повертел его в руках, поднял голову, в упор глядя на Сигурда.

— От моего возвращения зависит жизнь княжича Игоря, Сигурд. Ни ты, ни кто иной не знают туда дороги.

— Ты вернешься целым и невредимым,

конунг.

Олег протянул вываренную в золе бересту через стол:

— Напиши Рюрику, где я спрятал его змееныша.

— Я знаю только глаголицу.

— Которой тебя обучил Рюрик?

Сигурд молча достал нож, концом его старательно вырезал несколько слов, протянул свиток Олегу.

— «Конунг и князь твой сын и мой повелитель княжич Игорь спрятан на острове путь через болота знает только конунг Олег охрана надежна Сигурд», — вслух прочитал Олег. — Лишних слов ты не тратишь, но каждое бьет, куда надо. Кто провел тебя к Игорю? Рюриковы берсерки?

— Да.

— Где их зимовье?

Сигурд молчал. Олег улыбнулся:

— Между нами не должно быть тайн, Сигурд. Между нами — жизнь Игоря.

— На Ловати, — неохотно, приглушенным голосом сказал Сигурд и опустил голову. — Ты прикажешь убить их, но ведь они — люди Рюрика.

— Теперь я — твой конунг. А что решает конунг, не тебе знать, даже если ты и первый среди моих бояр. — Олег сказал это весомо и строго, но

тут же улыбнулся и поднял кубок. — Пожелай мне, боярин, доброй дороги в берлогу матерого зверя.

— Доброй дороги и счастливого возвращения, конунг Олег.

С глухим звоном столкнулись тяжелые кубки, до краев наполненные густым вином. Оба осушили их до дна, как того требовал обычай русов, и согласно опустили на стол.

— Позволь спросить тебя, конунг. Мне известно, что мой отец Трувор Белоголовый и тридцать шесть его воев пали в битве. А что известно тебе об этой битве?

— О битве знает только тот, кто в ней участвовал.

— Но князь Рюрик говорил, что погибли все. Отец и тридцать шесть дружинников.

— А вдруг тридцать пять, а не тридцать шесть? Вдруг Рюрик просчитался?

Не дав Сигурду опомниться, Олег взял берестяной свиток и быстро вышел из покоев.

5

Мысль, что он где-то просчитался, что сам угодил в сети, которые готовил другим, не давала Рюрику ни сна, ни покоя. Теперь вечерами он пил полный кубок волшебного напитка берсерков, чтобы уснуть и забыться, но засыпал только к утру,

тяжелым сном спал до сумерек и просыпался с ломотой во всем теле и внезапными судорогами, от которых корчило и подбрасывало на ложе. Заставлял себя пить молоко, чтобы поскорее вывести отраву, а к ночи снова тянулся к полному кубку, хотя понимал, что пора остановиться, пока еще есть силы и воля, пока он осознает, чем грозит ему это питье. Но был уверен, что остановится, что отмучается два-три дня, что станет прежним, не утратив хитрости и прозорливости, когда это понадобится. А понадобится — к приезду Олега, о котором его загодя известят.

Сеть легко порвать, когда видишь ее узлы и нити, а он только ощущал ее, но не видел ни в тяжком полусне, ни в муторной полуяви. В молодые годы он обладал звериным чувством опасности: легко уходил от удара меча, вовремя разил сам, слышал полет стрелы задолго до ее прилета и всегда успевал упасть на землю. А теперь все становилось неосязаемым, он не улавливал ни, концов, ни начал, пугал следствия и причины и бессильно и яростно трясся изнутри, трясся и дрожал и не мог унять эту дрожь. Запоздавшее осознание того, что он навсегда потерял Сигурда, что отдал в заложники русам единственного сына, наследника, последнюю свою надежду, мешало ему понять что-то очень важное, что-то решающее. Это рождало в нем яростное берсеркское неистовство,

мешающее разглядеть друзей и толкающее искать врагов. И по ночам он просеивал сквозь сито ненависти этих врагов, пока не утвердился в мысли, что враг, самый главный его враг — Олег. Конунг русов. Заставить, любыми пытками заставить Олега вернуть Игоря и Сигурда, а уж потом решать все заново. Нет, не убивать, ни в коем случае не убивать: сломать. Сломать волю, подчинить себе и уж тогда... Только бы Клест не перестарался, как с той русинкой... или все-таки славянкой Забавой?... Уж который раз снится ему пыточная клеть, а он, Рюрик, конунг и князь, так и не может понять, кого же все-таки затерзал его полубезумный кат.

«Не греться тебе у костров Вальхаллы», — прохрипела тогда на древнегерманском женщина, распятая на засаленных канатах. Зловещее, страшное пророчество. Оно подспудно жило в нем, просыпаясь в его снах, смущая душу, взывая к памяти. Но брошенный к ногам ржавый обломок его собственного меча перечеркнул сам смысл его жизни, толкнул на ошибочный путь, и теперь, чтобы переиграть судьбу, чтобы начать заново, надо ломать Олега. Он придет, а потом... потом конунгу русов придется исполнить волю князя Великого Новгорода.

Вскоре донесли, что Олег с небольшим отрядом вышел из земли русов. Доложили под вечер, когда Рюрик достаточно очнулся.

— Следить за каждым шагом. Гонцов за берсерками: пусть снимаются с зимовья и быстро идут сюда.

О берсерках он ранее не думал. Он вспомнил о них вдруг, это было озарением, и Рюрик ощутил почти позабытый подъем. Нет, Великий Один не покинул его, не лишил своих божественных милостей. Олег силен, очень силен, но измотанный Клестом дух его не выдержит унижений, которым его подвергнут берсерки. Когда-то одной этой угрозой он получил все золото, скопленное Старым финном, а теперь получит и сына, и Сигурда, и покорность Олега.

Рюрик был так доволен собственным внезапным решением, что почти без сожаления выплеснул кубок с волшебным напитком в огонь очага.

Ночью его трясло, ломало и подкидывало, но он не утратил сознания, не поплелся наливать себе новый кубок, стерпел первые муки, зная, что еще предстоят и вторые, и третьи. Берсерк — раб волшебного напитка, расплачиваясь за него судорогами, бессонницей и звериной злобой по два, а то и три дня. И он тоже не спал, лишь изредка проваливаясь в тяжкое забытие, и тогда вспоминал, как ему досталось золото Старого финна...

...Щедростью, терпением и покорностью он убедил недоверчивого финна в своей преданности.

А когда стал вторым после конунга и вновь надел кольчугу, Старый сам предложил, что обучит его травам и кореньям, зельям и настоям, ядам и противоядиям. Он старательно учился, вместо того чтобы распевать песни с воинами у костров, а первый яд испытал на горбуне, точно пустив ему стрелу в могучую спину. Немые умирают молча; Рюрик терпеливо дождался, пока горбун не перестал корчиться, и пошел прямо в шалаш Старого. В тот день они взяли добрую добычу, от далеких костров доносился хохот, крики и песни, а у шалаша было тихо. Он знал, сколь точно мечет старческая рука и нож, и копьё, и топор, а потому, едва раздвинув полог, молча бросился вперед, насквозь проткнув отточенным мечом впалую грудь. Тут же выдернул меч, резко, как в бою, развернулся в угол, где стоял бледный, потерявший голос от ужаса пригожий, как девушка, прислужник.

— Где Старый прятал золото?

Прислужник упал на колени, голова его тряслась, а из горла, зажатого спазмами, не вылетало ни звука.

— С меча еще капает кровь. Я буду резать тебя по кускам, пока ты не заговоришь.

Юноша молча склонил голову и вытянул шею, и Рюрик понял, что клятва, которую взял Старый финн, страшит его больше смерти.

— Нет, я не стану тебя убивать. Я отдам тебя берсеркам. Они ненавидят женщин и очень любят пригожих юношей. И ты долго будешь умирать под их вонючими телами.

— Нет! — дико закричал прислужник, отпрянув к стене. — Нет, нет!..

Он указал место, где зарыт клад. Рюрик убедился, что юноша не солгал, и в награду убил его одним ударом. Без мучений...

На третий день Рюрик окончательно пришел в себя. Затратив много сил на борьбу с самим собой, он был еще слаб, но ощущал ясность мыслей и силу воли. И готовность к встрече с тем, кто встал между ним и его сыном: с конунгом русов Олегом. Разведчики вовремя доносили о его движении, Рюрик знал, когда Олег войдет в его пределы, на каком рубеже остановят его отряд, пропустив на встречу с князем Новгорода только конунга с двумя приближенными. Остановят не силой оружия, а силой обычая: в зимовье Рюрика посторонние вооруженные люди не допускались. И войти к нему, к своему бывшему воспитателю и опекуну, Олег должен один: сопровождающие задерживались до повеления Рюрика. А еще раньше должны подойти берсерки: Рюрик ждал их вечером, но два дня шел снег, и они могли задержаться. А Клест уже изготовился, чтобы затаиться в темных сенях, как только конунг русов появится во дворе.

Но прежде чем отряд Олега добрался до внешних застав, где должен был остаться по обычаю, к Рюрику вошел старший из гонцов, посланных за берсерками.

— Конунг и князь, мы не нашли берсерков на зимовье.

— Я не понял тебя, гонец.

— Они исчезли. В зимовье холодные очаги, нет следов.

— Они улетели? Вознеслись с последним клубом дыма?

Гонец угнетенно молчал. Замолчал и Рюрик, размышляя, куда могли подеваться два десятка отборных воинов из тайного убежища, о котором вряд ли могли знать русы. О нем знал Сигурд, но Рюрик не сомневался в слепой преданности своего воспитанника. Кроме того, русы зимой бражничают, а не воют. Значит, новгородцы?

— Ты не исполнил моего повеления и достоин смерти. Но я подожду. Возьми лучших следопытов, возьми самых чутких собак и не показывайся мне на глаза, пока не отыщешь берсерков. Ступай и найди.

Низко поклонившись, гонец вышел. А Рюрик долго сидел в кресле, пытаясь понять, куда могли подеваться берсерки и почему нет никаких следов. Русов он исключил сразу: русы зимой не воют, да и нет им смысла ослаблять рубеж между собою и

новгородцами. Кривичи? Но как они могли пробраться на Ловать через земли русов? Значит, новгородцы. Новгородцы грызут его силу. Значит, без Олега Игорю здесь не княжить: он слишком мал, а Сигурд искалечен. Но надломить Олега необходимо. Не сломать, а надломить, чтобы запомнил, кто здесь повелитель. А может быть, берсерки ушли сами? Зачем? Им не нужны женщины, а волшебный напиток — только здесь, в его зимовье. И только он, он один знает, как его готовить. Это уменье крепче всех клятв и золота привязывает к нему его берсерков, добровольно они уйти не могли, а без боя берсерки не сдаются. Тогда где же следы?

В полдень доложили, что отряд русов остановлен заставой, а их конунг с двумя отроками едет в зимовье. Рюрик приказал пышно накрыть стол и лично спрятал Клеста в темных сенях.

— Когда повелю, войдешь и схватишь. Я посажу Олега спиной к дверям.

Все было готово к приему гостя, и кресла поставлены, как указал Рюрик: у окна и напротив, у двери. Он успел занять свое, у окна, когда во дворе стража ударила мечами о щиты и первый боярин возвестил:

— Конунг русов Олег!

Боярин распахнул дверь, и в горницу, звякнув дорогой византийской броней, вошел Олег. Он был

без шлема, но с мечом у бедра, как то и полагалось конунгу. У порога склонил голову, уронив русский оселедец на лоб:

— Великому князю Новгорода Рюрику хвала и слава!

— Слава тебе, конунг. Я стар и болен, не могу встать навстречу.

Боярин попятился к выходу, и Олег, ловко уступив ему дорогу, оказался уже не у двери, а ближе к середине стола.

— Садись. — Рюрик указал на кресло. — Я хочу видеть твое лицо, конунг. Расскажи мне, где мой сын Игорь и как Сигурд исполнил мое повеление.

Олег молча протянул князю берестяной свиток. И пока Рюрик читал, невозмутимо перетащил кресло к середине стола, поставив его так, чтобы за спиной оказалась глухая стена.

— Что это значит? — сурово спросил Рюрик. — Я указал тебе твое место, конунг.

— Из сеней несет смрадом полусдохшей крысы, князь Рюрик. А место знаю я один. Перечитай еще раз послание Сигурда, и твой ясный ум сделает правильный вывод.

— Где Игорь? — с глухой угрозой спросил Рюрик. — Мне не нравятся шутки, в которых нет места для моего смеха.

— Княжич на острове с няньками, мамками,

твоими варягами и моей охраной. И моли богов, великий князь, чтобы с проводником не приключилось беды. Иначе твоему наследнику придется княжить на острове до конца своих дней.

Олег прекрасно понимал, как он сейчас рискует. Внезапная вспышка ярости, выкрик Рюрика — и сюда ворвутся отборные дружинники, против которых ему не устоять. Но он ехал не в гости, он ехал на поединок, а на поединки ездят побеждать. Сегодня или никогда.

— Ты мне угрожаешь?

— Кто же осмелится угрожать великому Рюрику? Это отец угрожает будущему своего единственного сына, а не я — тебе.

В самом начале их боя Рюрик получил три добрых удара, от которых не знал, как оправиться. Поэтому Олег спокойно уселся в кресло, достал черный флакон и сделал из него глубокий глоток. А когда опустил голову, увидел два бесцветных от ярости глаза. Он выдержал взгляд, который так пугал его в детстве, и тихо сказал:

— Твой сын Игорь будет княжить в Киеве, князь Рюрик, и Киев для него возьму я, клянусь памятью отца моего и твоего побратима Ольбарда Синеуса. Но чтобы исполнить эту клятву, мне нужна добрая дружина, лодьи, гребцы, лошади для береговой охраны и товары для Смоленска. А Новгород золота не даст. Может быть, нам лучше

поговорить об этом?

Олег замолчал, ожидая, когда Рюрик справится с приступом гнева. Молчание затягивалось, князь судорожно пытался проглотить застрявший в горле ком: острый кадык бессильно дергался на высохшей шее.

— Твои годы ушли, князь Рюрик. На сухом дубе остался последний росток, и я дам ему жизнь. Киев принесет роту Игорю и его потомкам, а ты снарядишь поход. Мера за меру, хитрость здесь не поможет.

— Ты захватишь Киев для себя! — глухо выкрикнул Рюрик.

— Я поклялся памятью своего отца. Большой клятвы не требуй: я — не Сигурд, я — конунг, князь Рюрик. Тебе придется оплатить своим золотом княжение своего сына.

И снова наступило молчание. Князь считал пропущенные удары, кадык по-прежнему бессильно дергался на тощей шее.

— Обломок ржавого меча! — вдруг хрипло засмеялся князь. — Это ведь я — обломок ржавого меча. Ты увел моих берсерков?

— Они перешли Ловать и тем нарушили границы земли русов.

— Вот к чему мне были посланы вещие сны. Это меня распяли на канатах в пыточной клети, конунг.